

Вячеслав Нескоромных

Стойкие маки Тиит-Арыы

Вячеслав Нескоромных
Стойкие маки Тиит-Арыы

«Автор»

2025

Нескоромных В. В.

Стойкие маки Тиит-Ары / В. В. Нескоромных — «Автор», 2025

В суровые времена войны в 1942 году на пустынный остров Тиит-Ары в дельте реки Лена за Полярным кругом были отправлены на погибель люди – спецпереселенцы из западных областей страны и местные сельские жители, выселенные из своих домов в то время, когда их мужчины сражались на фронте. В долгой дороге по реке, на самом острове, люди – взрослые и дети оказались в холоде и голоде. Так погибли тысячи граждан страны. Многочисленные мемориалы и могилки на местах свидетельствуют об этом и ныне. За полярным кругом на побережье растут удивительно стойкие маки, вынужденные сопротивляться краткое лето напору северных морских ветров. Также, словно живые цветы, пытались сохранить жизнь тысячи людей волею судьбы оказавшихся на далеких песчаных островах. Многим, очень многим это не удалось. Дети и их матери, старики и молодые, способные к долгой жизни остались навсегда в жестких песках побережья Ледовитого океана, но память о них должна жить, как живут стойкие маки Тиит-Ары.

© Нескоромных В. В., 2025

© Автор, 2025

Вячеслав Нескоромных

Стойкие маки Тиит-Ары

Вячеслав Нескоромных
СТОЙКИЕ МАКИ ТИИТ-АРЫ

Пролог

В Домодедово извечная суэта, непрерывное людское движение, как поток молекул внутри организма.

Мы отправлялись с женой в Якутск и ждали посадки у заранее объявленного выхода. Стекались попутчики, росла, тянулась очередь, и было любопытно смотреть на тех, кого вместе с нами упакует в аэробус и отправят через стылые разреженные пространства над землей на восток.

– Полет предстоит долгий, и мы вероятно увидим рассвет в полете, – подметила жена и поежилась, сложив плечики домиком.

Наша поездка была вызвана желанием совершить круиз на теплоходе по реке Лена до Тикси от Якутска. Нам показалось интересным увидеть суровый край там за Полярным кругом и северное побережье континента в тот период года, когда солнце не опускается ниже горизонта сутками.

Пассажиры уже выстроились, толклись вереницей, неспешно продвигаясь к выходу через пункт контроля. Здесь можно было видеть коренных представителей республики: пританцовывающих тинэйджеров с неизменными наушниками, с отрешенными и подсвеченными смартфонами лицами, зрелых мужчин и женщин, занятых друг другом, малышей с мамами и озабоченных отцов семейств. Все они выглядели по-современному, и сразу трудно было определить, – кто летит домой, а кому предстоит провести время в поездке в качестве гостей. Были здесь и якутские жители старшего возраста в нарядах прошлого века, но непременно с атрибутами современной жизни: в бейсболке на седой голове с надписью «I love NY», в ярких кроссовках на упругой подошве, что вполне сочеталось с одеждой с национальными мотивами.

Несколько пассажиров выделялись из общей массы. Я обратил внимание на группу женщин и мужчин, отличающихся неуловимо и одеждой, и манерами поведения. Когда прислушался, понял, что говорят они, то ли на финском, то ли на ином языке народов Прибалтики.

Скоро мы прошли в самолет и на несколько часов оказались во власти воздушных потоков и управляемого разумом человека крылатого аэробуса.

Лететь на восток, преодолевая несколько часовых поясов, периодически засыпая и просыпаясь в несколько очумелом состоянии, дело утомительное, но все может преодолеть человек, и мы ступили, наконец, на землю далекой республики и тут же стало понятно, что это земля северная. В середине июля было достаточно ветрено, накрапывал дождь и того обильного тепла, в котором мы пребывали в Москве, как небывало.

В аэропорту прибывших встречали, и оказалось, что нас не двое, а сразу несколько человек, прибывших общим с нами рейсом и собравшиеся провести две недели в круизе. Милая миниатюрная девушка-якутка с плакатиком «Круиз на т/х М. Светлов» собирала прибывших и скоро к нам добавились туристы с других рейсов. Среди участников круиза, несколько сторонясь от общения, была и та группа пассажиров, которых я определил, как людей из Прибалтики.

Теплоход, пришвартованный у причала, принял нас приветливо. Ступив на палубу, огляделись, оценили чистоту и ухоженность палубы, приветливые улыбки встречающих нас членов команды. Туристов вышел встретить сам капитан в белом нарядном форменном кителе с сия-

ющими золотом пуговицами и галунами на рукавах. Пришло в голову, что в пути мы будем достаточно долго и важно узнать тех, от кого зависит успех нашего путешествия в Заполярье.

В каюте я тут же уселся записать впечатления от первых суток нашего путешествия, рассчитывая накропать обширный текст для своего блога. Супруга, отметив, что мужик выключился из общения, тут же собралась и ушла пройтись по палубе, бросив в мою сторону, выходя из каюты:

– Я ушла прогуляться, все что увижу, расскажу.

Теплоход качнуло и почувствовалось, как плавно двинулся в путь наш плавучий дом, преодолевая зыбь волны стылой реки. Что река холодна, я ощутил, как только мы прибыли на пирс, – от водного потока потянуло прямо-таки могильным духом, и сразу захотелось достать курточку и отойти от берега.

Через час Марина уже была в каюте, и было заметно, что она несколько взволнована.

– Ну, что узнала? Давай рассказывай, – без предисловий я взялся расспрашивать супругу.

– Знаешь, Стас, на палубе я познакомилась с милой женщиной. Она из Иркутска и приехала посетить места, в которых случились необыкновенные и даже страшные события для ее семьи. То, что она рассказала для меня просто неизведанная «планета». Я ее попросила на ужине присесть с нами и рассказать более подробно. Тебе интересно?

– Да, наверное, – замямлил я, представив рассказ о семейных тайнах, украденном счастье и переживаниях от страдающей от недостатка внимания дамы преклонных лет.

Перед ужином мы вышли на палубу, изрядно приодевшись в теплое. Теплоход уверенно скользил по реке, ветер унялся, и можно было любоваться видами береговых линий, причудливыми скалами, теряющимися в дымке тумана.

За ужином, когда мы уселись за свой столик, Марина отошла и скоро вернулась с женщиной лет пятидесяти. Дама была невысокой, стройной для своих лет, европейской внешности, с некоторым налетом черт азиатки. Этот налет был столь тонок, органичен, словно талантливый художник, изобразив красавицу, решил добавить шарма и слегка поправил разрез глаз, форму головы, добавив к лицу европейской дамы чуток скуластости. А, вероятно, еще раз внимательно оглядев созданный образ, наложил тень на кожу лица, показывая, что и здесь присутствуют следы ветров и палящего солнца далеких степей Азии.

– Сельма, – представила жена свою новую приятельницу, а дама мило улыбнулась.

– Очень приятно, Сельма. Какое у вас необычное имя для русской из Сибири, – искренне подивился я, отметив, что отмеченная азиатчина не очень сочетается с именем, скорее скандинавским, нордическим.

– О, моя личная история, история моей семьи настолько сложна, что можно говорить о том, что я конечно сибирячка, но кровей во мне намешано волею судьбы множество. Русской крови, кстати, во мне только четверть, если считать по маме и папе. А имя мое мне дал папа в память о своих близких, погибших именно на этой реке в далекие годы войны.

– Как же так? Войны?

– Да. Я работаю в университете на историческом факультете. Занялась исследованиями гражданской войны в Сибири и для меня открылись малоизвестные факты. Многое мне стало более понятно и о истории моей семьи. Я приехала поклониться тем, кто остался здесь навсегда, увидеть здешние суровые места, могилки и помянуть людей, жизнью которых распорядились легко и бездушно, словно просыпали на землю крупу и, махнув рукой, не стали ее собирать – упало, и ладно, – пропало. Мое появление на свет белый так же случай, который из-за жестоких событий той поры мог и не случиться и даже невероятно, что это произошло.

Вечерами, прогуливаясь с Сельмой, мы слушали ее полный волнения и горечи рассказ. Каждый раз, когда теплоход останавливался на пути у селений на берегу реки, мы могли видеть с воды часовни, полузаброшенные кладбища и мемориалы в память о той «просыпанной вла-

стью крупе», – людях, жизнью которых распорядились жестоко, преднамеренно обрекая на гибель.

История эта развернулась перед нами полотном вселенского размаха на просторах огромной замороженной северной территории: все в этих бескрайних пространствах величественно, – и течение рек на тысячи километров, через бескрайнюю тайгу, болота и вечную мерзлоту, и подпирающий мерзлую землю с севера океан, укрытый льдами; безмерно велики и беды, которые могут создать люди, верша по своему разумению, исторические процессы, и конечно война, отразившаяся на судьбах всех нас, – так или иначе.

Обоз среди снегов. 1922 год

Вдоль поймы реки Лена строкой-гусеницей двигался обоз-эшелон, включавший более ста саней. Катились санки друг за дружкой по узкой натопанной дороге среди бескрайнего снежного поля с редкими перелесками.

Снег в эту мартовскую пору еще сиял по-зимнему, выдавая с утра свечение всех мыслимых и невероятных отблесков утреннего солнца, но воздух днем уже был полон грядущего тепла, которое, пробовало править-царить в воздухе. Промороженный за ночь воздух над снежным полем искрился цветами радуги, словно отражающие свет просыпанные на снегу бриллианты, рябило в глазах, и чудились вокруг пушистые солнечные зайцы.

Как бы подкрепляя иллюзию о зайцах на пригорке среди кустов и правда, появился ушастый, совершенно белоснежный обитатель здешних перелесков. Зверек внимательно оглядел идущий в низинке обоз, постриг ушами и отметив, чутко просканировав запахи, что лучше схорониться, сиганул в сторону, путая следы.

Лошади, трудясь в упряжи, фыркали, очищая ноздри от инея и льда, трясли головами, украшенные проседью заиндевелых грив. В десятках саней, укрывшись овчиной, в косматых шапках сидели, нахохлившись, словно птицы в непогоду, вооруженные люди. В санях грудилась ящики, стояли укрытые рогожкой пулеметы, чьи замороженные рыльца выглядывали из-под тряпицы и предупреждали о несносно-смертельном своем характере. Позади обоза тащились и пушки, установленные также на сани. Шел обоз неспешно, голоса седоков слышались изредка, оно и понятно: о чем говорить, коли в пути уже второй месяц – переговорили о многом, и не раз.

Порой раздавалось деланно басовито:

– Гой, пошла, пошла! – в адрес заскучавшей лошадки и было понятно, что это сам возница задремал в пыльном тепле тулупа, поводья провисли, – вот лошадка и встала.

Путь боевого подразделения Красной Армии лежал от Иркутска в направлении Якутска: ожидали прибытия в столицу края к середине дня.

Яшка Астахов сидел на санях, укрывши ноги кошмой. Был молодой солдат в старом тулупе с большим серым с желтизной от старости воротом и смотрел назад – против направления движения, навалившись спиной на ящик со скарбом. Перед парнем маячила уже третий час дороги рябая голова коня, запряженного в санки позади Яшкиных саней. Рябой тряс головой, избавляясь от нарастающей на морде измороси и льда. Заиндевелый лик лошади была живописен и трогателен: белые от инея ресницы хлопали, словно крылья зимней бабочки, а укрытая заиндевелым мехом плоская проплешина под сбруей, широко дышащие ноздри, создавали забавное зрелище неведомого природе сказочного зверя. Рябой же, четко уловив, что под кошмой на скользящих перед ним санях лежит сено, все норовил подойти поближе и задрав мордой накидку выхватить сенца и похрустеть на ходу, труся неаккуратно сухой травой на дорогу.

Яшка был новобранцем. Его призвали под осень из деревеньки Тальцы близ Иркутска, едва ему стукнуло восемнадцать. Деревня раскинулась вдоль берега Ангары, убегая улочками вверх по склону в сторону тайги, что раскинулась вокруг до скалистого берега Байкала.

Потолкавшись на сборном пункте и послужив месяц в учебном центре, парень научился маршировать в строю, стрелять из выданной ему трехлинейки, колоть чучело из соломы винтовкой с острым трехгранным штыком. Научили молодого солдата отрыть окопчик и занимать по приказу оборону. Других премудростей строевой военной жизни за короткий срок обучения узнать парнишке не удалось, и была надежда, что они и не потребуются в дальнейшем.

Иссякла, словно после половодья, война мировая, стала выбиваться из сил и война гражданская. Белогвардейцы отступили накануне мимо Иркутска, теснимые пятой Армией Тухачевского. Зацепиться в Прибайкалье, как планировалось ранее Верховным Правителем России адмиралом Колчаком, не вышло. Ободренный наступлением Красной Армии власть в городе захватил военно-революционный комитет большевиков. Путь отступающих по бездорожью в пешем строю и верхами далее лежал по льду Ангары и Байкала в степные просторы Забайкалье.

Чехословацкие легионеры, похозяйничав в Иркутске без малого два года, убыли следом за отступающими частями Сибирской армии по Кругобайкальской железной дороге во Владивосток, освободив город от своего небескорыстного присутствия. В Прибайкалье практически перестали стрелять и установился окрест прочно новый порядок: всюду развесили красные флаги и лозунги на алом «Да здравствует Советская власть!».

Выглядел молодой солдат юнцом: на круглом лице со смысленными голубыми и, казалось всегда удивленными глазами, еще не росла борода, и только над детской оттопыренной верхней губой пробивался пушок, оформляющийся в усики. Открытый взгляд и, то и дело, расплывающиеся в улыбке губы, тут же располагали к пареньку всякого кто с ним заводил общение.

На Яшкиной голове топорщилась бесформенная старая шапка-треух, а вокруг шеи, за отсутствием шарфа, был намотан выцветший, когда-то фиолетовый кусок бархата. Дорогую ткань раздобыли в деревушке, когда ходили по дворам, искали провиант и нашли за забором у дороги ломкую, непросушенную до конца на морозе, то ли скатерть, то ли покрывало. Тряпка стояла домиком припорошенная уже снегом.

– Удуло ветром видать с бельевой веревки, али забора, – сообразил Яшкин напарник Колька Радичев и тут же прибрал находку.

Когда найденная вещь оттаяла в избе, распространяя дух свежeweыстиранной ткани и подсохла, Колька щедрой рукой разделил ее пополам и отдал кусок Яшке со словами:

– Добрая тряпица, мягкая, бери на портянку или на шею намотай, – все же по утрам люто холодно.

Намотал Яшка, поначалу смеясь, себе на шею бархатку вместо шарфа, – сроду не носил такую он вещь, но потом оценил удобство и стал таскать, не обращая внимания на смешки сослуживцев.

Пребывая в обозе, Яшка частенько вспоминал свою деревню на берегу реки среди тайги. Вспоминал молодой солдат с грустью дом, родителей, брата Мишку, то, как жили раньше, и как все повернулось с революцией, закружилось и смешалось в хаосе смены власти и деревенского векового уклада.

Прежняя власть поминалась Якову по отступающему в феврале 1920 года через деревню по льду Ангары потоку солдат, беженцев и белоказаков на усталых конях. Бежали в страхе перед строгостями новой власти, побитые уже и смертельно усталые люди: направлялись на восток, через лед Байкала в Бурятию, в Забайкалье, и далее в Китай и Монголию. Брели пешими, мерзли на санках, ехали верхами вдоль деревни от Иркутска в сторону Байкала многие тысячи военных и гражданских. Шли сутки напролет и даже на другой день, отдельные группы беженцев еще проходили мимо села, растянувшись по дороге-зимнику и по льду реки. Были среди них и женщины, и дети, и молодые люди в студенческих шинелишках, в нелепых на морозе фуражках с черными бархатными наушниками, взрослые дородные мужчины в дорожных пальто и шубах. Лица бежавших мало что выражали от усталости и истощения, – столько им пришлось уже пережить, и только в глазах можно было прочесть недоумение: «За что так

с нами?». На каждом путнике можно было отметить печать глубокой горечи и безысходности: снялись с насиженных мест еще по осени в спешке по первому морозцу под артиллерийскую канонаду и теперь безуспешно искали пристанища.

Мироздание испытывает людей, не считаясь с тяготами, которые они несут и предлагает всем, кто встал на путь перемен, новые, а порой и более тяжкие испытания.

Зимняя дорога по мощному льду реки была основательно набита тысячами ног и копыт, но поднявшийся ветер, разгонял поземку, переметал путь непрерывно, маскируя ориентиры. Группа отступающих в отчаянии, поотстав от основной массы войск и беженцев, в сумерках надвигающейся ночи сбились с пути, и угодила в зазор у скалы Тальцинской. Скала эта высилась справа на противоположном берегу от деревни и была подобна очертаниями профилю пытающегося взлететь вброд.

Место это имело дурную славу, и в народе издавна была приметой беды. Много рыбаков погибло в водоворотах у скалы. Сельчане знали, что сближаться с утесом было смертельно опасно: лодки тянула к каменной тверди неведомая сила, а если зазевался, упустил момент, когда нужно грести изо всех сил от скалы к центру реки, то скоро лодку тянула к стенке скалистого берега сила неумная. У самой скалы, нависающей над водой карнизом, водоворот перемещал суденышко, и рыбаки оказывались в воде. Выбраться на берег не было возможности, а выплыть из губительной воронки, мало кому удавалось, а утопленников находили редко, – все забирала неистовая сила реки.

Когда взялись строить железную дорогу по левому берегу Ангары, пришлось проходчикам пробить скалу, и тут-то выяснилось, что в глубине скального массива имеются обширные карсты и трещины. Река, овладев подземными пустотами, образует неистовое подводное течение, которое уходит в глубину и неведомо где заканчивается. Именно это объяснило, от чего затягивало в провал и людей, и плывущие в половодье деревья, мусор. Стали понятны причины, но проклятия скалы это не отменило.

Зимой близ страшной скалы в образе рвущейся ввысь птицы всегда образуется зазор и наледь от беспокойной беснующейся речной воды. Лед в зазоре тонок, как слюда, и присыпан снежком, так что не видно совсем это гибельное место, особо на закате и в сумерках.

Потрепанный в боях отряд казаков поспешал на усталых конях: подремывали в седлах замерзшие усталые, все в инее и снегу бойцы и сбились с пути, – взял правее основной набитой уже тысячами ног ледяной дороги, и с ходу влетел в зазор. Ухнули в стылую воду сразу передние ряды скачущих, за ними остальные, не успев очнуться от дремы, понять реалии грянувшей трагедии, и только последние, запоздавшие успели спохватиться, придержать коней и отвернуть, уйти в сторонку на прочный лед.

Довелось спасшимся казакам видеть, как погибали их боевые товарищи, но не на минах в Галиции, не в стремительной атаке лавой на редуты германцев сквозь свинцовый град, а уходили под лед на своей реке, вопя, в отчаянии, и матерясь. Лошади, ухнув в полынью, голосили, протестуя. Длилось дело недолго, – уже через пару минут открывшаяся подо льдом вода была чиста, полынья наполнена стремительным потоком, и только парила, поглотив живые души рабов божьих.

Бегали деревенские пацаны смотреть на гибельное место. А что там увидишь? Кипит вода в огромной промоине и следов почти никаких не оставила, – утянула в глубину всех, кто не уберется. Всех собрала, и еще соберет новую жатву жизней человеческих. Но мало кто уже удивлялся гибели людей: не казалась теперь, в это лихое гибельное время, человеческая жизнь ценной. Какая тут цена, – так полушка с утра, а к вечеру и на стопку цена не набиралась.

Как-то к вечеру, в сумерках уже, нагрянули в деревню казаки на конях с заиндевелыми мордами. По всему было видно, что шибко скакали, влетев во двор, зло отхлестали нагайками старосту в отместку и от бессилия что-то изменить, вымещая свое отчаяние за погибших у

дурной скалы казаков. Нагайками исхлестали, – так хоть не повесили, и тут же поспешая, ускорили по зимней дороге, чертыхаясь.

А чем виноват перед казаками староста, по сути, так и не объяснилось. Но крайний должен быть, вот его и назначили. А в Ливинке, что уже на берегу Байкала, мужика повесили. Сказывали, позвали дядьку местного бывшего дорогу показать через Байкал, а тот не просто отказался, а повел себя дерзко, – послал ожесточившихся в отступе солдат по nepотpeбнoмy адресу. Казаки в гневе за подлое равнодушие к судьбе российского воинства и беженцев тут же нашли вожжи во дворе и повесили бедолагу у дороги на кряжистой сосенке. Повесили в отместку и назидание у родной избы, на ремнях которыми долгие годы правил своим коном повешенный.

Когда война лютует, – жизнь человеческая истончается до полушки.

Много смертей и покойников видели жители деревни Тальцы в эти февральские дни.

Не раз мальчишки наблюдали, как отворачивали с пути, от основного потока беженцев санки и направились к кладбищу и скоро уже от дома старосты подходили деревенские и священник. Тела, завернутые в саван, укладывали на другие возки и, чадя кадилом священник под рыдания близких отпевал умерших. Санки с телами отправляли потом к сараю на территории церкви, а священник, приняв скорбный дар, успокаивал родных, заверяя, что все сделают, как положено, когда земля несколько оттаяет.

– А когда, батюшка? – запричитала заплаканная барышня в шубке, утирая слезы черным платочком, приподняв черную же вуаль под мятой истерзанной в дороге меховой шапкой.

– Уже в марте-апреле, милая. Предадут земле рабов божиих на сельском кладбище и справят молитву за упокой, а имена непременно укажут на крестах и метки в церковную летопись внесут.

Да, в феврале земля изрядно промерзала и для тех, кто почил в эту пору, готовили могилку загодя: приходилось прогревать землю кострами и тлеющим под листом железа углем сутки, не менее. А наспех схоронить зимой не выходило. А если не удавалось предать земле, как полагалось на третий день от кончины, то оставляли в селах по пути беженцы своих покойников, спеша за колонной отступающих, ибо отстать, казалось, было смерти подобно. А оставляя покойников, надеялись вернуться, а возвратившись, знать, где захоронен родимый человек, праху которого можно было бы поклониться.

Мальчишки знали, что в сарае при церкви уже забиты полки телами умерших из числа беженцев. Сказывали, обсуждая, что по весне потребуются землекопы, а еще гробы и гробики да кресты значительным числом.

А сколько было и таких, кто пал на тяжком пути, кого и прибрать было не кому. Многие от усталости и хвори садились на снег у древесного ствола, столба ли придорожного и засыпали вечным сном. Кто вспомнит о них, как лихолетье пройдет?

Силантий, сосед Астаховых рассказывал, что не всех вот так оставляют на погребение. Везут, сказывали тело важного генерала с собой солдаты аж от самого Нижнеудинска, – это уже почитай пятьсот верст. Везут не просто так, – берегут: ни в прорубь его не опускают, ни в землю не кладут. Желают отслужить молебен как должно и с воинскими почестями схоронить, чтобы красные не поглумились над телом дорогого им командира. А фамилия генерала нерусская – Капель, но видимо герой и любили его российские солдаты за смелость и доброе к ним отношение.

– Вот ведь как бывает! Даром, что генерал, а народ его признал! – подивился Силантий, – ветеран, – с японской вернулся инвалидом.

Оценив интерес слушателей, Силантий достал самосад и взялся крутить сигарку, продолжив рассуждать:

– Значит дело не в генеральском сословии, а в человеческой его натуре. И революция эта – пустая затея. Людей надобно правильных и верных на власть ставить. И вся недолга! Тогда и

государство будет расти, и народ безбедно плодиться! Вот Александр Третий, смотри, железную дорогу через всю Сибирь до моря отстроил, ни с кем не воевал, народу давал дышать. Опять же Сибирь взялся заселять людьми из мест, где густо с народцем-то русским, а землицы недостает. Давеча был в Иркутске: вокзал-то, какой отстроили! Любо-дорого-богато! А еще сказывали, что и в Слюдянке вокзал из мрамора белого подняли – красота! Такого вот правителя иметь – без бед можно жить! Не зря ж ему памятник в Иркутске большой сурьезный поставили.

– Ой, Сила, мелешь! Большаки уж снесли сей монумент! Сказывают, закопали батюшку-царя в чаще лесной, чтоб никто не нашел. Знать поперек горла встал им Александр Миротворец, – с недоверием к сказанному вставил слово въедливый Кондратий с дальней улицы, поглядывая с прищуром через махорочный дым на беседующих.

– Пряма ты Цицерон! Все знашь!

– Че, это ты меня обозвал цикатухой какой, что ли?

– Ой, уймись! Откуда знашь-то про генерала? – с раздражением высказался и отец Якова Мартын Астахов и зыркнул на Кондратия, чтобы тот угомонился.

– Дак под вечер к кузне подъехало на конях до десятка казаков, многие в чинах. Даже генерал был среди них в очечках, а с ними санки с гробом. Домовина укрыта рогожкой и флагом российским. Давай офицерá пытать кузнеца Ивана Стрельцова, чтобы починил санки: что-то там надломилось в крепеже. Так пока чинили, я с казаками выкурил сигарку, да и потолковал. Так мне порассказали много чего служивые, – правда и табачок почти весь из меня вытянули.

– И что тебе старому они порассказали-то?

– Генерал Каппель, – главный у них командир, провалился под лед на реке, когда в отступе шли от Красноярска, да ноги то и обморозил, – пришлось обрезать: гангрена пошла, а проще сказать, – гнить зачинает тело.

Силантий хлопнул по деревянной культе вместо ноги, потерянной под Мукденом:

– Я-то знаю, каково это попасть под нож эскулапа-изверга в полевом-то лазарете, когда пилой наживую режут плоть. Эта мука такова, что сам просишься побыстрее помереть, чтобы хоть так от боли адовой избавиться. Многие солдатики только от вида этакой операции падали без чувства. Належался я в лазарете..., – такого братцы насмотрелся.

Голос у Силантия дрогнул и было заметно, что не забыл по прошествии полутора десятка лет и теперь уж точно не забудет тот страх и ту боль, пережитые на чужбине.

– Так че, там с генералом-то? – поторопил снова Силантия Мартын.

– Помер генерал от ран и гангрены после того, как ног лишился, но до последнего вел и командовал войском. А генерал был боевой, дело знал и солдат берег, – делил с ними невзгуду. Вот везут тело с большим почтением, чтобы достойно отпеть героя в церкви и схоронить достойного воина земли русской, – включив возвышенный пафос, задрал голову, словно собирався затянуть песню, Силантий всхлипнул, расчувствовавшись.

Отметив, что его слушают со вниманием, старый солдат, успокоившись, продолжил:

– А еще сказывали сельские, что так вот идут по тайге и льдам рек уже с самой осени многие тысячи верст от самого Омска, а главного у них – Колчака, расстреляли в Иркутске, и что на этом власть царя закончилась теперь окончательно.

– А как так, его расстреляли? А солдаты, казаки чего не вступились-то? Вон их сколько! Армия! – встрял в разговор опять Кондратий.

– Сказывают, ехал Колчак барином в поезде в теплом вагоне с полюбовницей и вез золота немерено. Хотел видать сбежать с золотом в Америку, да попался. Тут-то его и прихлопнули.

– Не, Силантыюшка! – возразил Кондратий, – свояк сказывал, когда на базар я ездил в город, что утопили его живого в проруби у Знаменского монастыря. Да не одного, а еще народ

с ним был. Так всех гурьбой и спустили в реку, а сверху прикладами по головам, – так и забили вусмерть.

По весне, когда снег сошел на южном склоне, и земля взялась забирать влагу, закипела работа на кладбище деревни, и за неделю разросся столетний погост на треть, углубившись в тайгу, под кроны строевых сосен. И отмечен этот угол погоста особо оградкой: имена подселенных в подземное хранилище все не здешние, да знатных часто родов.

Яков помнил, как прошлись отступающие солдаты по улицам села, нагрянув с поборами: собирали еду, какую можно было найти по дворам, сено и овес для лошадей, одежку теплую. Запомнилось Якову, как чертыхался отец, выглядывая за забор, готовый и дать отпор настырным побирушкам, и спрятаться, если возникнет угроза жизни ему и домочадцам.

Яшку мамка все норовила спрятать в погреб, – опасалась, что заберут долговязого не по возрасту сына в солдаты. Но обошлось: и скотинку сберегли, попрятали, и все живы остались, откупившись от раскосого солдата в худой шинелишке и обмотках, что ввалился во двор и требовал дать еды. Мамка сунула ему пару караваев свежего хлеба и шмат сала. Потом долго еще сокрушалась маманя, поминая того солдата, – мол зря отдала сало, хватило бы голодранцу и двух увесистых булок.

Скотинку, что удалось схоронить от отступающих войск белогвардейцев, правда, через полгода забрали большевики, объясняя изъятие революционной необходимостью для пропитания голодающего пролетариата.

Взялись судачить сельские о том, что раньше царя, банкиров и чиновников да купцов кормили, а теперь и пролетариат сел им на шею.

Было это уже весной, и тогда выжили, согреты солнцем, поддерживаемые молодой крапивой да черемшей и открывшейся рыбалкой на Ангаре и Байкале.

К рыбалке все в деревне были приспособлены, и как только очищался исток Ангары ото льда, смолили и спускали на воду баркасы, лодчонки, самые разные суденки и гребли на стремнину, где играл хариус, резвились ленки. А чуток позже уходили на Байкал, правили сети и таскали омулей на заготовку полные берестяные короба. Рыбу солили, а кадки опускали в погреб, где к зиме привычно собирались бочонки квашенной капусты, брусники и клюквы, соленое сало в туесах. А излишки рыбы, – свежей да соленой, везли в Иркутск на рынок. Ближе и просторнее был Центральный рынок среди Иркутских церквей, но навевались и на Глазковский, что на левом берегу Ангары. Там за понтонным мостом новый вокзал железнодорожный разместился, и было выгодно торговаться с проезжающими и прибывшими. Глазковский рынок был удобен и тем, что рядом стояла ладно рубленая из сосны большая Лагерная церковь, куда водили на молитву солдат здешнего гарнизона. Вечно голодные солдатики активно раскупали орехи, рыбку, стряпню – пирожки да пряники. А как грянула гражданская и в Иркутск вошли по-хозяйски чехословацкие legionеры, приспособили Лагерную, поименованную Петропавловской, иностранцы под себя и справляли молебны на свой манер. Обряды вершили со своим капелланом, но рыбку, орехи да стряпню скупали также охотно. Галдели солдатики, заполнив ряды, на наречии, как бы знакомом, но все же непонятном. Но на рынке оно все просто: ткнет пальцем в товар покупатель, денежку отвалит, – вот и весь торг.

Японцы также навевались на рынок. Батальон басурман разместился в предместье Глазково за высоким забором купеческого подворья, и солдатики бегали на рынок, раскосо выглядывали товар, частенько принимались, морща плоские свои носы, прикупали охотно и рыбку, и самогон, галдя: «Сакэ, сакэ...».

Рядышком с Астаховым сопел в обнимку с винтовкой, забравшись весь под кошму, его сотоварищ Колька Радичев.

Лицо Кольки, укрытое солдатской папашой до глаз, едва виднелось из-под рогожки, и было заметно, как блаженен его утренний сон: розовые губы сложились бесформенным вареником и нет-нет расползались в улыбке.

– Вот спит, зараза, всю дорогу и ночью его не добудишься, – подумал добродушно Яшка и поправил ровнее папаху на голове приятеля.

За спиной Яшки на облучке восседал укутанный в тулуп ездовой Ерема – мужик из Качуга с берега Лены, где начался долгий путь санного каравана вдоль реки. Ерема, нанятый с конем сопроводить боевой отряд Красной Армии в Якутск по призыву Иркутского Ревкома, был человек не армейский. Служил когда-то, был контужен еще на войне с германцем, и хотел было отсидеться от очередного призыва, но из сельского совета затребовали коня, и чтобы сохранить живность и вернуться с ним назад до наступления ледохода, Ерема сам вызвался ехать. Так было вернее, и конь сохранится, не пропадет в чужих руках, и есть гарантия, что вернутся вместе домой.

Ехать было уже и привычно, и тошно. Дорога от Иркутска по тракту до Качуга и уже по зимней дороге вдоль Лены-реки занимала скоро два месяца. Если бы не дни отдыха в придорожных поселках, то можно было сойти с ума от однообразия таежно-речного пейзажа, укрытых снегом полей и перелесков, от беспокойства и суевы дороги и бесконечного холода, от которого, как не кутайся, спрятаться не удавалось и промерзали насквозь, до нервного озноба, колотуна и стука зубами.

Из Тяхтюра, – старинного ямщицкого села на берегу Лены с вековой историей, вышли раненко, еще в полной темноте, чтобы до окончания дня войти в столицу края. Скорое окончание долгого перехода с несколькими днями отдыха оживило бойцов отряда, заиграло настроение, чаще стали слышны шутки и смешки: народ повеселел. Утром, еще в сумерках, вышли дружно, ожидая, наконец, окончания дороги, обещанной баньки с веничком. Говаривали мужики, что командир обещал и водки поставить.

Оптимизма, правда, не добавляло то, что последнее время все чаще говорили о возможной впереди засаде. Поговаривали, что активизировались банды: то там, то в другом месте в селах вдоль реки случались набеги и убивали активистов и сельсоветчиков. Об этом сообщали в поселках и станциях, через которые проходил обоз, оживляя на сутки, утопающие в снегах жилища. Но теперь в конце перехода все было тихо и показалось, что обернется дело без боевого столкновения, к которому мысленно готовился всякий боец отряда по приказу воинского начальства.

Саный поезд пошел по склону вниз и стал втягиваться в пологую ложбину. На пути за ложбиной подо льдом и снегом отметилась протока могучей реки Лена, что раскинулась бесконечным заснеженным полем, справа. Протока едва выделялась на фоне снежной равнины, и только деревья, тесно сбившиеся на противоположном более возвышенном берегу да чернеющие кусты вокруг ложбины, подчеркивали рельеф.

Впереди обоза метрах в трехстах от основной группы шли двое санок с вооруженными людьми. В косматых папах и тулупах, полулежа, приготовив пулемет и винтовки, бородатые мужчины всматривались вдаль и кратко переговаривались гортанно, не по-русски. Это был авангард из отчаянных черкесов боевого отряда командующего войсками Якутской области и Северного края Нестора Каландаришвили.

Где этот Северный край заканчивался, было не совсем ясно, и все посмеивались:

– «Ты, Нестор Александрович командир всего «От моря и до моря».

В авангарде командовал Мезхан Бенжанов по прозвищу Лис и с ним в санках несли службу трое молодых черкесов. Вся компания кавказцев служила с Нестором с того самого дня, когда бедовым наскоком захватил отряд анархистов Александровский централ. В тот удачный рейд удалось разгромить обитель царского насилия и освободить из тюрьмы несколько сотен заключенных. Все трое из авангарда попались на грабежах и отбывали уже третий год в тюрь-

мах и на пересылках, дважды попадались при побегах. А тут в одночасье оказались на свободе, и попали в боевой интернациональный отряд анархистов Нестора. С тех пор держались за атамана, перековавшись из бандитов в красных анархистов, а теперь уже бойцов Красной Армии.

Сформированный отряд выдвигался в Якутск для укрепления большевистской власти в столице северного края и активных действий против поднявших голову контрреволюционных сил. Это уже был четвертый эшелон за зиму: три предыдущих успешно добрались до столицы республики.

Разбитые под Иркутском и отошедшие по всему Прибайкалью части армии Колчака ушли в Забайкалье и были вытеснены за пределы России в Китай, в Монголию. Немногочисленные отряды, часто из местных, ушли на север, где до поры затаились, а когда начались волнения в ответ на притеснения новой власти, включились в борьбу, – как могли, огрызались, лелея надежду скинуть ненавистную власть большевиков. Повсеместно происходили акты неповиновения, боевые стычки, убийства активистов продразверстки, учрежденной большевиками. Прибытие командующего с интернациональным отрядом в центр борьбы с контрреволюцией должно было привести к укреплению советской власти и ее политики.

Сам Дед, как называли Нестора его сподвижники-подчиненные, занимал санки с оборудованной кибиткой, где с ним делила ложе, усталое шкурой медведя и ковром, жена витимского еврея-подрядчика, у которого умыкнули даму за сутки пребывания в городке.

Проезжая Витим, по пути из Иркутска через Качуг, Нестор отметил молодую грузинку среди прислуги трактира для заезжих путников. Такой случай Нестор не мог пропустить, – землячка среди дальних сибирских снегов была для него дорогой редкостью. Нестор отвел в сторонку молодую горбоносую особу с глазами оливами, и легко без предисловий взялся расспрашивать степенно по-грузински, разглядывая в упор свежее лицо и грудь, что вздымалась от волнения. Заканчивая тихое в полголоса соблазнение, перешел на русский и, продолжая «раздевать» женщину взглядом горячих глаз, позвал за собой, давая понять, что интересна ему красота землячки. Та, уже полыхала огнем, щеки разругались, а в глазах забегали искорки-бесята. Намаываясь в навязанном замужестве и теперь среди кавказцев, которых в окружении Деда было достаточно, вдруг зацвела. Ощувив в себе женские ресурсы, ни слова не говоря опостылевшему супругу, вышла утром с котомкой, и, не мешкая, уселась в санки к вожаку. Тот ждал женщину по уговору и, как только все устроилось, закрыл кибитку от любопытных глаз накидкой.

Софью, – Софику, как тут же назвал новую знакомую, Нестор забрал с собой, пообещав пристроить к штабу на время службы в Якутске. Иметь рядом красивую женщину и соотечественницу показалось Нестору вполне удобным и приятным делом.

Нестор, еще недавно осужденный по ряду статей «Уложения о наказаниях» Российской Империи, колоритный мужчина, весь в кожаном одеянии, – и штаны, и безрукавка поверх кителя, перетянутый ремнями, с неизменным ножом горца на поясе, – атаман банды анархистов, ныне значился коммунистом и красным командиром. Отмечен был Дед за боевые заслуги встречей в Москве с Лениным и Троцким, но не растерял еще повадок хулиганистых, и без сомнений увез замужнюю даму, наобещав многое. Это для него было делом простым – сыграть новую роль, вскружить голову даме, наобещать горы златые.

Ярким был мужчиной Нестор Александрович Каландаришвили.

И теперь в кибитке, в тепле под мехом и мерное покачивание санок тешил самолюбие Нестор, в который раз удивляясь невероятным размерам Сибирского края и неожиданно свалившейся приятности.

Нестор

Нестор подремывал в своем возке, рядом ютилась, уткнувшись в плечо красного командира Софико. Поначалу испуганная, неуверенная, после первых ночевки в отдельном, выделенном Каландаришвили доме, на широкой кровати, утопая в жаркой пуховой перине и в объятиях жоака, раскрепостилась и проявила себя, как сноровистая дама способная убажить мужчину.

Смотрела Софико на Нестора с любовью и думала уже о том, как обустроит их жилье по приезду в Якутск.

В постели Нестор был настойчив, долго ласкал женщину, а она, истомившись без проявления чувств рядом с постылым мужем от новизны ощущений млеала, от удовольствия в крепких мужских руках стонала, покрикивала, смеялась от щекотки пышной бородой Нестора и скоро совершенно преобразилась. Словно кошка, подобранная на улице в мороз, ластилась к новому хозяину и в глазах с обворожительной поволокою, гулял шальной огонек. На второй уже день, после первой бурной ночи, забыла Софико своего мужа так быстро, как забывается оставленная второпях малозначимая безделушка из гардероба.

В возке во время пути Софико дремала, прикинув к Нестору, а он, всегда решительный, думающий наперед, несколько размяк и сидел тихонько, порой за день из возка выходил только по нужде. Вспоминал Нестор свою насыщенную событиями жизнь, размышлял о том, как она поворачивалась теперь для него и что можно было ждать в дальнейшем.

Нестор обожал опереточные сюжеты: чтобы так, все на надрыве чувств вершилось, – вовсе не беда, что несколько фальшиво, – зато красочно, зато весело и был обязательно, ну не то, чтобы обман, но иллюзия, неиссякаемая интрига. К этому привила ему интерес маменька, дочь председателя уездного дворянского собрания, вынужденная терпеть брак с обычным торговцем. Но что поделаешь? Титулом сыт не будешь.

После вольницы, что сопровождала жизнь Нестора с тех пор, как его изгнали с позором из учительской семинарии в Тифлисе, наступили времена непростой службы. Тогда его, еще мальчишку, отец выпорол и отдал служить в армию. Солдатчина не пошла на пользу отпрыску, но вернувшись со службы, Нестор по настоянию отца все же вернулся в семинарию. Скоро, однако, был снова изгнан за неподобающее поведение и распространение «крамольной», надо полагать революционной литературы.

Тянуло Нестора в театр. Если бы не горячее боевое сердце, которое желало кипеть в борьбе, вышел бы из Нестора незаурядный актер. Но время и характер куют личность и, не теряя своего увлечения, стал Нестор революционером и разбойником. Где та грань, где заканчивался первый и начинался второй персонаж, даже он не мог определить точно.

Еще в Кутаиси, совсем молодым участвовал Нестор в театральных постановках в качестве актера. Нравилось Нестору преображение, нравилось быть на сцене активным, громким, заметным. В это же время, как член партии эсеров, Нестор принимал активное участие в партийной работе. Так между делом, то есть между спектаклями и репетициями, ходил творить особые партийные дела, а потом, наложив грим, вечером выходил на сцену.

Более всего Нестор склонялся к боевым действиям и эксам, как это называли – экспроприациям, не признавая разбоем, бандитизмом и смертоубийством насилие, а по сути, чистой воды уголовщину и террор. Эксы заключались в грабежах банков, ювелирных салонов и чаще всего сопровождались самым примитивным разбоем с нападением, стрельбой и убийствами охранников и служащих банков. Доставалось и случайным зевакам. В такие минуты, перешагивая убитых и покалеченных случайных прохожих, совесть Нестора порой мучила. Успокоил молодого революционера старший его знакомец из боевого отряда по кличке Коба: нескладный – тощий и низкорослый, заросший щетиной, рябой, с копной черных жестких волос, растущих густо, чуть ли не от глаз. После дела, в котором пришлось пострелять, Коба вышагивая рядом, кивнув на убитого, лежащего в луже крови прохожего, скривился и бросил по-русски со страшным акцентом:

– Лэс рубит взалса, щэпки считат смисла нэту.

Странно было это слышать от бывшего семинариста Тифлисской духовной школы, в которой учился несколько позже Кобы и сам Нестор. Выходило так, что не сумел авторитетный духовник Кавказа Христофор Чарквиани воспитать в слушателях основ милосердия.

Однажды, сразу после спектакля Нестор прибыл на место очередного экса в костюме только что сыгранного им героя. В парике, с бородой, в ярком костюме Нестор привел в полный восторг своих сотоварищей, напугал охрану банка. Банк тут же и ограбили и так совершенно сбили с толку полицию своим внешним видом. По ходу экса Нестор успел, и часть текста из спектакля проговорить перед изумленными сотрудниками банка, прохаживаясь, словно на сцене и рассматривая через пенсне, трясущихся от страха людей.

Такой ход стал знаковым и часто использовался Нестором в дальнейшем.

Как-то планировалась атака на банк, а несколько позже был назначен спектакль в театре, в котором был занят Нестор. Чтобы не срывать своего участия в спектакле Нестор приехал на экс уже в костюме и гриме. А играл он в постановке престарелого чиновника в черном старомодном сюртуке и с пышными усами-бакенбардами.

Дело в банке было сделано и следовало быстро уходить, но так вышло, что боевик, которому было поручено подогнать пролетку после экса, замешкался и опоздал. Когда Нестор с товарищем выскочил из банка с мешком купюр, пролетки на месте не оказалось. Нестор, не мешкая кинулся наперерез карете, в которой прекрасная дама в шляпке с вуалью и с мужем ехали как раз в театр. Господа социалисты-революционеры предложили паре поначалу покинуть карету, но дама, нимало не тушуясь, объявила, что она в вечернем платье, спешит в театр и не собирается уступать карету старому индюку.

Что оставалось делать?

Нестор расхохотался, явив миру крепкие молодые зубы и стало понятно, что это актер, – человек, который играет чужую роль.

– Так вы актер и едете в театр? – изумилась дама.

– Да, – нашелся Нестор и тут же предложил подкинуть его с товарищем к театру.

По прибытии, несмотря на присутствие перетрусившего мужа, Нестор помог даме выйти из кареты и сопроводил галантно до гардероба. Когда Нестор вышел на сцену, он высмотрел в зале свою попутчицу и вдохновенно играл для нее.

Успех был полным.

Зал шумно приветствовал молодого актера, не предполагая, что всего чуть более часа назад он ограбил банк на десятки тысяч рублей и теперь разыскивается полицией по всему городу. Искать грабителя среди театральной труппы в голову никому не могло прийти, а Нестор в театре, где отдыхал от будней шеф городской жандармерии, чувствовал себя в полной безопасности.

Позже, прекрасная дама прислала в театр короткое письмо:

«Милостивый государь! Вы настолько дерзки и талантливы, что было бы опрометчиво нам с Вами не встретиться. Сегодня после обеда имею честь пригласить Вас. Ул. Подгорная, 7».

И они встретились.

Нестор, понимая, что дама замужем, прибыл, стараясь быть незамеченным.

Теперь все, что происходило тогда, вспоминалось как далекий сон, грезы, от которых осталось послевкусие аромата духов, нежность первых поцелуев, податливость красивой женщины и ее непреклонный характер. Она вертела мужем, как желала, пришлось повертеться и Нестору. Что, впрочем, мог ждать он – еще совсем мальчишка от красивой взрослой женщины, которая сама выбирает мужчину и шлет ему прямое, как полет стрелы, письмо.

Те давние отношения, так странно начавшаяся любовь, запомнились Нестору и как знать, что бы могло случиться еще между ними, если бы не бегство из Кутаиси и скорый арест.

Быть на публике, быть в центре внимания для Нестора всегда было заманчиво. Даже в суде он ждал, готовил свое выступление и превращал его в яркую театральную миниатюру: играл роль обличителя, гримасничал, преувеличивал, частенько просто врал, рассказывая о своих делах и всегда находя им оправдание. Особенно яркое выступление случилось после ареста за участие в Гурийском восстании в 1905 году. Об этом событии написала пресса, и Нестор превратился в лидера-вдохновителя революционной борьбы и грозой прокурора.

После Гурийских событий сослан был Нестор в Сибирь, – не смог ни откупиться, ни убежать от жандармов, крепко севших ему на хвост.

В Иркутске, первым делом Нестор наведлся и поступил в театр. Здесь его оценили сразу: яркий, фактурный мужчина, умеющий импровизировать на сцене, увлечь публику всегда востребован. Удавались горячему грузину характерные, достаточно сложные роли. Он явно рос в актерском мастерстве, но улица, борьба увлекали его более, вели в иную от искусства сторону. Хотелось по молодости лет быть независимым, состоятельным и успешным, вершить судьбы, менять мир по своему усмотрению.

И в Иркутске Нестор применял свои актерские способности при проведении операций по ограблению банков: умело переодевался, использовал грим и был практически неуловим. И чаще всего, идя на «новое дело», Нестор преображался, – прикидывался то горбатым, то хромым. За все время активной революционной работы его бывало, не раз арестовывали, но практически никогда не могли предъявить обвинения из-за отсутствия веских улик и отпустили после небольшой отсидки. Очные ставки с пострадавшими лицами и очевидцами никак не подтверждали, что именно этот молодой, яркий грузин – злодей, налетчик и грабитель.

Многое сходило с рук Нестору, а в уголовном мире Иркутска скоро стал почитаться за своего.

Здесь в Сибири борец с властью освоил новую для себя затею, – изготовление фальшивых денег. Нашел пару художников из театрального окружения, знающего специалиста из ссыльных и наладил выпуск дензнаков. Купюры удавалось удачно сбывать, а авторитет Нестора в уголовном мире стал необычайно велик. Его даже хотели сделать авторитетным вором, чтобы правил уголовной средой в городе. Может оно так бы и случилось при мирной жизни, да грянули октябрьские события в Петербурге. Нестор, уловив, что время пришло, сколотил первый свой боевой отряд анархистов и совершил нападение на известный по всей России Александровский централ, в котором сидело несколько сотен заключенных – по большей части уголовников со всех уголков Империи.

Так бывший семинарист, эсер-боевик, красный анархист преобразился в командира красного интернационального отряда, отличившегося в боях с армией Колчака в Прибайкалье. Сразу после разгрома Сибирской армии войсками Тухачевского, ареста и расстрела Колчака, передачи большевикам остатков золотого запаса канувшей в прошлое Империи, Нестора заметили и пригласили в Москву.

Ленин на Нестора произвел особое впечатление: маленький, показалось с огромной лысой головой, рыжеватый крепкий как гриб-боровик с прищуром глаз, что буравили тебя насквозь.

Когда Ленин узнал в разговоре о подпольной кличке Нестора – Дед, рассмеялся залихватом, – глаза превратились в щелки и, запрокинув голову, сквозь смех сказал, хлопнув ладонью по колену:

– Вот и встретились Дед со Стариком!

И уже уняв смех, заметил, слегка картавя:

– Как эти клички возникают, откуда берутся? В тридцать лет как состарили меня, так и хожу Стариком. Вам повезло больше, – только Дедом окрестили. А что, и внуки имеются?

В ответ рассмеялся и Нестор, и ответил, что получил свою кличку как самый старший среди подпольщиков в Кутаиси, хотя ему тогда было-то менее тридцати. В те годы он для кон-

спирации взялся носить роскошную окладистую бороду и выглядел старше своих лет. Вот с тех пор и тянется за ним это второе имя. В разговоре вспомнил Нестор и свое прозвище-погоняло среди уголовников – «Карандаш» и усмехнулся, пряча улыбку в бороду.

Посмеявшись над собственной шуткой, Ленин взялся расспрашивать о ситуации в Сибири, настроениях среди бойцов Красной Армии, о том, смогут ли выдержать люди, простые крестьяне еще более жесткое давление власти на местах. Разговор шел такой, словно врач перед операцией расспрашивает больного о его способности вынести сложнейшую хирургию без анестезии и пытливо оценивает, – не умрет ли пациент раньше времени от болевого шока.

Нестор отвечал, как видел расклад сил, какие бытовали настроения. Взялся заверять вождя, что на местах держат контру за глотку, а крестьянин сибирский, если и прижмут покрепче, – никуда он темный не денется.

– Нет, батенька, знаю я сибирского крестьянина. Сиживал в местах глухих, – в Шушенском, – слыхивали? Видел сам, как там все устроено, каковы настроения в деревне. Сибирский крестьянин – твердый собственник. Своего отдавать не станет по легкому. Ох, архи трудно с ним нам будет. Кулак очень опасен для Советской власти. Но что делать? Будем ломать, будем, если надо, расстреливать.

И теперь стало понятно, к чему клонил Ильич. Полыхнуло по всей стране, когда показалось, что дело сделано. Казалось бы, одолели Колчака, Деникина, Врангеля и десятки других лидеров белого движения с их армиями. Сотни тысяч враждебных элементов покинули страну через Черное море и Турцию, ушли в Китай, Монголию через всю Сибирь. Но тут вдруг восстал Кронштадт, разгорелось в Тамбовской губернии, запылало и в Сибири: занялось обширное на всю огромную территорию Западной Сибири Ишимское восстание, партизанский отряд неуловимого Ивана Соловьева шастал – наводил свои порядки в Хакасии, разгорелась пламенем национальной борьбы Якутия. Дальний Восток также бурлил, и яростное сопротивление на местах серьезно портило настроение власти. Сослуживцы Нестора латыши Ян Стродс, Карл Некунде, прикрывшийся из-за неудобья фамилией Байкалов, – специалисты по удушению мятежников, мотались по Сибири без усталости. А огонь противостояния не иссякал, – то унимался, казалось бы, но тлел и снова разгорался еще пуще, еще злее.

Жесткой чрезмерно оказалась новая власть большевиков для крестьянства, так много наобещавшая ранее свобод, земли и реальной собственности в виде заводов.

– «Обещали соломку стелить, – обманули, и спать ой как жестко на голых полотах со своей худобой, не хлебавши щей!» – сокрушались сельчане по всему востоку Советской России.

Понял Нестор в завершении разговора по пристальному без тени веселости взгляду и лицу с поджатыми губами, что разобрал его вождь сразу до винтиков и вердикт был прост: «Нам он полезен, а значит, нужен – пусть покуражится пока на воле, а там решим, что с ним сделать: чую – классово он нам чуждый элемент».

Всего этого Ленин не сказал, но сразу как-то стало понятным его мнение по недоверчивому прищурю глаз, по вопросам об эсеровском прошлом, о сколоченном им отряде анархистов, чьи действия порой совершенно не поддавались контролю.

Нестора поразил Лев Троцкий. Они были с ним одного поля плоды окраин огромной и неуклюжей Империи. Поразило в Троцком его невесть откуда взявшееся чрезмерное высокомерие и полное нежелание ни слушать, ни расспрашивать собеседника. Создавалось впечатление, что этот человек, возглавляющий Реввоенсовет России знает все наперед, поскольку уже сам все придумал и полагает без затей, что будет именно так, как решил он.

– Наша цель, – мировая революция! Передущим всех! – отчеканил, войдя в раж Лев Давидович, вскочил с массивного резного дорогого стула, хлопнул ладонью по столу и потряхнул косматой головой так, что пенсне свалилось и повисло на цепочке, беспомощно качаясь, как повешенный.

В разговоре Троцкий упомянул Сталина. Нестор был знаком с ним давно: вместе устраивали экссы в Гори и Тифлисе. Коба вскоре остепенился, перестал участвовать в нападениях, а после встречи с Лениным занялся оргработой, а то вдруг взялся писать статьи. Нестор прочел парочку – дрянь полная, решил он, но Коба был уже недосягаем – вошел в политсовет партии.

И тут, в разговоре со Львом Давидовичем, вторым человеком в Советской России, Нестор почувствовал, сколько неприязни в голосе у Троцкого и сразу ощутил, что если и он грузин, то эта неприязнь распространяется в полной мере и на него.

Со Сталиным они встретились позже Ленина и Троцкого. В этот период Сталин жил в Кремле. Сталин пригласил Нестора домой, как только узнал о его приезде. Нестор шагал по брусчатке внутреннего двора древней крепости, смотрел на изношенные временем фасады, и удивлялся вдруг возникшей мысли, что оказывается, – ничего невозможного нет, можно добиться всего, например, оказаться там, где центр власти огромной территории, по сути Империи. И можно шагать вот так не спеша на встречу с людьми, власть эту в настоящий момент ухвативших.

На пороге Нестора встретила жена Надежда. Нестор поклонился, демонстрируя воспитание, поцеловал руку. Надежда – миниатюрная миловидная женщина рядом с таким вечно насупленным Кобой смотрелась добрым и ласковым дополнением к нему. Глядя на супругу и угрюмость Кобы не казалось столь значительной.

На столе уже стояли фрукты, домашний сыр и вино в большом кувшине. Тут же подали зажаренного цыпленка, и угощение вышло вполне по-грузински.

Коба, выпив вина, раскраснелся, насупился и замолчал, гонял желваки на скулах. Затем заговорил о том, как сложно ему среди этих интеллигентов проводить рациональную политику. При упоминании Троцкого, у которого Нестор был чуть ранее в тот же день, Сталин рассердился и по-грузински обозвал Троцкого хитрой еврейской лисой.

– Такие бойцы, как ты, Нестор, – тут нужны, – глядя своими слегка желтоватыми глазами волка на Нестора, произнес тяжело с акцентом Коба по-русски и ткнул своим закопченным никотином пальцем в грудь Нестору. Ткнул больно в запале, видимо так его занимала эта мысль о Троцком, что в каждом видел противника. Ткнул пальцем и отвел взгляд, но через секунду снова бросил его, сопроводив желтыми искрами, как бьет-бросает прицельно заряд стрелок, чтобы поразить врага. Было в этом взгляде столько сконцентрированной энергии, что у Нестора перехватило дыхание и запекло в сердце. Нестор взгляд выдержал, но понял, какая тут высота ставки сделана Кобой в этом сакральном центре России – месте, где топтались многие власти-тели: потоптались, но сгнули, а иные и вовсе по ветру были развеяны. И еще понял Нестор, что Коба не отступит. Это была битва конечно не титанов, но людей, на время овладевших толпой. Ощущалось, что любой огрех мог все изменить, обратить эту массу тел, мнений, энергий против них самих. Важно было не упустить удила и направить умело величайшую энергию масс в то русло, которое позволит сохранить власть над растерзанной страной, нищей и голодной толпой, населяющей огромную бескрайнюю территорию бывшей Российской Империи.

Было заметно, что донимали Кобу и другие размышления о власти: как удержаться, не поддаться еврейчикам, что обосновались вокруг Ильича и что-то постоянно затевающие у него за спиной.

Заканчивая разговор, Коба подвел итог, основательно так, весомо:

– Ты еще давай, Нестор, поработай в Сибири. Да избавься от своих привычек вольных анархических.

Примолкнув и что-то обдумав, добавил:

– Все, Нестор: закончилось бодание партий. Одна у нас теперь партия – большевистская. Хочешь быть удачливым во власти, докажи, что ты с нами. А остатки других партий, – всяких там эсеров, социалистов-демократов –болтунов-хлюпиков, бледно-розовых слюнтяев мы

разотрем скоро окончательно в пыль. Ни с кем больше якшаться не станем – сразу к стенке. Такова линия борьбы.

Умолк Коба. Сидел, сгорбившись, опираясь на стол, смотрел перед собой тяжело, угрожаяще. На предложение жены выпить чаю отмолчался и только глянул на нее из подлобья. Та сникла и сразу отошла.

Долгий путь из Москвы в Иркутск в оборудованном вагоне Нестор размышлял об увиденном и услышанном в Москве.

– «Как непросто все будет на этой огромной территории. Работы будет вдоволь, а вот, что из всего этого выйдет, пока совершенно не ясно», – подумал тогда Нестор, оценив свои впечатления о Москве, о людях, захвативших власть в стране.

Теперь мерно покачиваясь в возке в компании новой подруги, Нестор размышлял о словах Сталина, о том, что будет не просто, если удастся Кобе перевести его для работы в Москву, в большой высокий кабинет. Видимо именно его руками Коба планировал растирать в пыль своих противников.

– «А что?», – подумал Нестор, – «А почему бы и не поработать в столице, там столько хороших театров и красивых женщин».

Разгром на протоке

Перед протокой Нестора побеспокоили: к возку подскочил помощник, начштаба Зураб Асатиани и пришлось остановиться.

Зураб глянул мельком в возок, отметил, как уютно устроился командир с землячкой, и высказал сомнения по поводу узкой ложбины, в которую втягивался эшелон обоза. Накануне в Тунгуре, когда обсуждали последний оставшийся переход до Якутска, от местных звучали предостережения о дурно складывающейся обстановке. Сообщали с мест, что отряд поручика Николаева проявил на днях нешуточную активность и был замечен разъездом на подступах к окрестным поселкам, в которых он вероятно и прятался на ночь.

Тогда решили идти осторожнее, пустить вперед надежный авангард, прикрыть тылы.

Нестор выскочил из возка без шапки, пряди смоляных волос ложились густо на плечи. Одет командир был легко в кожаной куртке-безрукавке с расстегнутым воротом черной гимнастерки. Окладистая борода, аккуратно постриженная накануне Софики, дополняла колоритный образ Деда. На лице атамана гуляла улыбка, и по всему было заметно, как он доволен собой и всей этой историей с походом, встречей с женщиной.

– Чего бурагозишь, Зураб? Осталось-то верст тридцать до города, – добежим, я думаю без проблем. Боятся нас – все же мы сила: равной ей здесь не сыскать.

– Надо бы поостеречься, Нестор Александрович. Место, прям скажу опасное – зажмут нас, если в этой ложине, – постреляют, как телков на водопое. Тревожно что-то мне.

– Ты же отправил ребят вперед. Лис – опытный воин, – справится. Напомни, – накажи, Мезхану и его ребятам, чтобы смотрели внимательно, – истоптан ли снег вокруг? По воздуху люди и кони не летают. Если подойдет большой отряд, конные, то непременно оставят следы. Пусть глядят в оба. Отправь к ним посыльного, чтобы напомнил – надо бы оглядывать окрестности повнимательнее.

Авангард тем временем успешно преодолел протоку в низине и уже взобрался на пологий берег у леса, а основная колонна только подошла и ступила на лед реки.

Сани с черкесами авангарда остановились. Лис встал во весь рост и взялся внимательно разглядывать открывшуюся долину в бинокль. Снежная равнина вокруг не предвещала ничего тревожного: дорога, извиваясь, уходила вперед, а других следов на снегу, кроме пробитой к леску заячьей тропы Лис не разглядел. Успокоившись, Мезхан залег в сани, и авангард тро-

нулся далее, не приметив, как за леском за возвышенностью сгрудилась человеческая масса с винтовками и двумя пулеметами на санях. Обойдя дорогу через протоку по дальнему пути через низины, и хоронясь за прикрывающими их кустами, отряд поручика Николаева уже с ночи поджидал красный обоз, чтобы нанести смертельный удар. Было приказано спешиться, коней оставить за дальним холмом и выйти на рубеж атаки след в след, а на месте вести себя, затаившись, не галдеть, не курить, – схорониться, – словно умереть, будто и нет тут никого.

Николаев долго готовил засаду. Наблюдал за обозом красного отряда, высчитывал и прикидывал, когда и какими силами атаковать красных. Выбирал место, чтобы удар был скорый, как клинком-молнией вдоль незащищенной шеи. Лакомый был объект – три сотни бойцов, уставших от долгой дороги на открытой местности, а еще оружие, боекомплект. Следовало только выбрать место, чтобы подойти затемно, не наследив. А затем затаиться, а как придет час, ударить скрытно, разом из всех стволов, чтобы сбить спесь и сломить сопротивление на корню.

Как только авангард прошел протоку, а обоз втянулся в ложбину и стал подниматься по склону, из чащи с верхнего яруса берегового откоса косым ударом в правый фланг резанул упрятанный на косогоре пулемет. Тут же ответил второй, и загревели-застрекотали не стройно выстрелы из винтовок. Обоз оказался зажат в ложбине, лошади стали кидаться, вставать на дыбки, и сраженные огнем падали на повозки, голосили, бились в постромах и давили людей, ломали санки. А истощив силы, лежали на дороге измученные кони, суча ногами, скалясь, пытались встать, кинуться вскачь и пучили глаза, как бы в удивлении, что ничего не выходит, и в отчаянии хрипели и ржали.

Нестор, сразу ощутил гибельность положения, – его боевой опыт подсказал, что ситуация сложилась страшная для отряда, – уж очень в неудобном положении они оказались: словно на ладони перед атакующими в гиблой низине. Выходило, что осталось только прихлопнуть захваченных врасплох сверху губительным огнем.

Нестор выскочил из саней с маузером в руке: вид его в отчаянии был страшен.

Косматый, черный, Дед отдавал команды криком, гортанно, энергично размахивая руками, словно изловленный в силки и пытающийся вырваться и взлететь коршун, сверкал на выкате белками глаз, и был четко виден на фоне белого снежного поля. Метался неистово Нестор, и был тут же настигнут прицельными выстрелами из засады, – так с раскинутыми руками и рухнул в снег замертво.

Зураб Асатиани находился рядом, отстреливался навскидку в сторону нестройно бегущих по снежной целине нападавших. Увидев, как пал Дед, Зураб кинулся и приник к командиру, но был тут же сражен в голову и опрокинулся от удара пуль, свалился рядом, орошая обильно, плавя белый снег горячей кровью.

Разгром наступил после несколько минут боя.

Несколько передних саней, что были полегче, успели прорваться через протоку по целине и ушли в бешеной скачке, отстреливаясь, из-под огня. Солдаты из обоза, оставшись без командиров, беспомощно суетились, пытались занять оборону и даже развернуть пушку в сторону леса, но губительный огонь почти в упор был страшен.

Скоро все было кончено.

Снег был устлан убитыми и ранеными.

Кровь словно пробивающиеся через сугробы маки, алела празднично.

Где-то за опрокинутыми возками еще прятались живые – ездовые и несколько женщин. Испуганные, бледные они ждали смерти.

Оставшись без командиров и потеряв основную часть бойцов, от обоза перестали отвечать. И тогда из засады высыпали, галдя нападавшие. Бежали по снежной целине люди не в парадных одеждах, – полушубках, папахх разнообразного кроя, в унтах, бородатые, страшные в своем порыве. Неслись в низину лавиной: падали, вставали, горлая угрозы, проваливались

в снег по пояс, а добежав, взялись добивать еще живых солдат штыками, одинокими выстрелами. Убивали зло, жестоко, не скупясь на оскорбления.

Один из нападавших, – бородач в грязном полушубке и огромных валенках, одичав от крови, добил красноармейца и с хохотом взялся справлять малую нужду на убитого.

Санки, в которых сидел Яшка, находились в самой середине обоза. Когда ударила очередь пулемета, показалось – пустяк, трещотка, но пули густо легли вдоль дороги, прямо по спинам лошадей и саням. В этот губительный момент Яков тянулся с подобранным с дороги сеном к морде рябого коня. Тот заинтересовался, вытянул шею, умильно хлопая ресницами в инее. Вот тут его и накрыла свинцовая плеть: прибитый сверху словно тяжким кнутом конь подломился на своих усталых ногах и рухнул на дорогу с вытянутой шеей, выдохнул шумно и всхрапнул умирая.

Яшка соскочил с санок на дорогу и вскинул винтовку, ища мишень. Парнишка видел, как завалился, хрипя, прошитый очередью Ерема, как засучил ногами под кошмой Колька, прибитый той же бесконечной по длине очередью из пулемета. Лицо Кольки теперь бледное, в муках боли едва виднелось из-под кошмы, а папаху свалилась, и русые волосы раскинулись, спутавшись с соломой, забрызганной кровью убитого ездового.

Яков вскинул винтовку и крутил головой. Откуда били, понять поначалу было нельзя. Вокруг истерично металась люди в панике. Слышались крики, стоны, запоздалые команды.

– Пулемет! Разворачивай пулемет! – прокричал в отдалении командир пулеметчиков Рудый и тут же свалился сраженный. Ухватив себя за грудь, словно пытался в отчаянии разорвать, раскрыть грудную свою клетку и выпустить страшную боль, что поселилась неожиданно в сердце, Рудый выронил наган и опустился на колени. В его лице застыло удивление. Качнувшись и еще раз, окинув взглядом мечущихся вокруг людей, рухнул лицом в снег.

Удивительно, но Якову в это момент не было страшно.

События вокруг развивались стремительно, разнообразно и увлеченный их круговертью он только крутил головой и не сразу сообразил, что потерял где-то шапку. И когда увидел упавший треух и нагнулся, чтобы поднять, в ногу повыше колена сзади рубанул такой силы удар, что тут же помутилось в глазах от боли, и он свалился, сразу потеряв опору. Еще какое-то время Яшка лежал и приходил в себя, но его не покидала мысль, что шапку он не поднял, и что будет делать без нее, – ведь замерзнет, отморозит уши, как ослабев от потери крови и болевого шока забылся.

Очнулся Яков, лежа на дороге лицом вниз. Щеку, что плавил лед, а теперь уже остыла и примерзала к снегу, сводила судорога. Ног он не чувствовал и только там внизу где-то в области колена пульсировала, разрасталась и раздражала ногу изнутри боль.

Выстрелы еще звучали, но не густо, – губительного огня уже не было. Яков услышал голоса и, глядя через частокол санок, полозьев, мимо лежащих на дороге людей и лошадей, увидел, как в его сторону идут люди в унтах, валенках. Он сразу понял по обуви и обрывкам фраз, что это чужие, не солдаты его красного отряда. Яков слышал, как отдают команды и звучат выстрелы уже совсем рядом:

–

Добей, вон того! Шевелится паскуда – знать живой! – раздалось снова и Яков увидел невысокого в серой офицерской шинели человека в папаше, с пашкой на боку и с наганом в руке. Он шагал в высоких оленьих унтах вдоль растерзанного обоза и крутил головой. Определив цель, стрелял в упор в лежащих, раненных, но видимо еще живых, красноармейцев.

В этом человеке сразу угадывался начальник и офицер.

Якову стало дико страшно, и он зажмурился, ожидая выстрела в голову. Выстрела не последовало, но хруст снега под оленьими унтами раздавался, показалось, все ближе и было понятно, что скоро подойдут и к нему.

– Слушайте, господин поручик, – раздалось впереди, и Яков снова открыл глаза и увидел, как к офицеру подошел мужик в коротком полушубке, собачьих унтах и шапке-папахе, скроенной из оленьей шкуры. Шапка торчала словно пирамида, а прямой олений мех топорщился нескладно во все стороны.

– Чего тебе, Петровский? – откликнулся офицер.

– Слушай, Николаев, – мужчина, подойдя ближе, перешел на более близкую по форме манеру разговора, – надо бы ездовых поберечь, а то, кто с лошадьми, взятыми в обозе управляться будет. Скажи, чтобы твои не так сильно постреливали. Дай команду обозным отойти в сторонку.

– Спихватился, ты! Их уже почти всех покрошили, – отозвался поручик Николаев и глянул в сторону Якова через сани, что загораживали его от командира атаковавшего обоз отряда.

– Тут вот еще бабу прихватили. Сказывают женщина самого Нестора. Куда ее?

– Баба Нестора? Интересно. Заберем с собой. В хозяйстве сгодится. Красивая, небось? Говорят, любит Нестор красивых баб.

– Грузинка она. Черная как ворона, но такая справная на лицо, в теле бабенка. Есть за что подержаться, – заржал мужик в нелепой шапке-папахе.

Якову до дури стало страшно и уже не чувствуя тела, истекая кровью он замер, приник к снежному полотну дороги и ощутил, как между ног заструилась жаркая моча, вымачивая тяжелые утепленные штаны.

Николаев шагнул в сторону лежащего Астахова и скрип шагов по снегу был уже оглушительным, раздирающим перепонки и казалось, вот-вот расколется и голова. Яков подтянул ноги, преодолевая боль, сжался в комок, и стал ждать смертельного выстрела.

И тут вновь ударил пулемет. Голосок у него был несколько иным, и стало вскоре понятно, что бьют уже по тем, кто только что разгромил обоз. Могло показаться, что подошла поддержка со стороны Якутска, но атаки не последовало.

Вокруг засуетились, забегали, а Николаев побежал на ходу, отдавая команды:

– Все отходим! Уводите коней с санками! Петровский, займи оборону, сдержи красных на подходе! – раздался голос над Астаховым и мимо него, за убитым и теперь лежащим на дороге Еремой, прошагали ноги в знакомых унтах.

Заскрипели санки, и напавшие из засады стали уходить из-под огня по целине.

Яков понял, что угроза как будто миновала и теперь только нужно дождаться тех, кто придет спасти оставшихся в живых и снова потерял сознание.

Поручик Николаев мог быть доволен. Подготовленная, продуманная до мелочей засада дала результат – основные, наиболее активные бойцы отряда Нестора Каландаришвили были повержены. Среди нападавших потерь практически не было. Только двоих зацепило, когда бежали по целине к обозу.

Достался поручику и главный желанный приз – сам Нестор. Шутка ли? Знатный в Сибири лидер анархистов, а ныне большой воинский большевистский начальник, назначенный Москвой вершить террор в дальнем заснеженном углу нарождающейся новой, теперь уже большевистской Империи.

Поручик Николаев имел с Нестором давние счеты, еще с той, только что утомившейся в основном гражданской войны. Теперь, когда после смертельной атаки поручик оказался рядом с возком атамана, он мог насладиться моментом, отметив, что враг мертв.

Нестор лежал на белоснежном покрывале обширной долины реки Лена, раскинув руки. Его маузер был зажат побелевшими, закостенелыми пальцами – не разжать, но тело, лишенное жизни совсем недавно, уже не могло оказать сопротивления. Пятна крови расплылись на груди и окрасили белый, как саван снег. Лицо жожака, теперь бледное, с синевой до черноты под глазами, с гримасой отчаяния, было в обрамлении черных длинных волос, раскинувшихся на

снегу, а глаза – большие, на выкате, смотрели ввысь, словно промеряли для себя неземной путь в мир иной.

Снежинки, поднятые налетевшим вихрем, ложились на лицо вожака и уже не таяли.

Месть Нестору была давно в числе самых заветных у поручика Николаева.

Запомнил поручик на век, как вырубил его казачью полусотню резким наскоком из скрытной ложбины из-за леса лохматые, косноязычные, шумные бойцы в разнообразном экзотическом одеянии близ бурятского села Баяндай.

Отряд, потрепанный в боях за город – и люди, и лошади были измочалены: шли вторые сутки после того, как отошли от Иркутска. Двигались без остановки в сторону Байкала ордынскими степями, чтобы уйти через лед озера в Забайкалье на соединение с основными силами отступающей армии, ведомой генералом Войцеховским после нелепой, полной трагизма и мужества смерти генерала Каппеля.

Белые войска, вынужденные пробиваться через заснеженную сибирскую тайгу, спешили освободить арестованного и пребывающего в тюрьме Иркутска адмирала Колчака. Но в результате не только не успели спасти своего идейного предводителя и воинского начальника, но и ускорили его гибель, напугав новую власть в городе стремительным броском на Иркутск.

Тридцатого января 1920 года Белая армия разбила высланные навстречу красные отряды у станции Зима и, двигаясь на Иркутск, с ходу взяла Черемхово. В городе казаки разогнали пашками шахтерские дружины и расстреляли местный ревком, выстроив босых, избитых в кровь мужиков в исподнем на морозе у каменной стены городского сада.

Николаев командовал отрядом казаков, отчаянных, прошедших несколько лет войны с германцем и вот теперь сцепившихся с большевиками. Лютость усталых до смерти солдат зашкаливала, и с трудом удавалось отговорить самых злых от жестокой расправы над пленными. Но и пленные порой давали повод, – злословили, обвиняли казаков, что служат они господам вместо того, чтобы поддержать народ.

В ответ, не снимавший с себя шашки уже несколько лет и не владеющий часто собой урядник Прохор Зырянов, вдруг завопил с дикой гримасой отчаяния на лице и с криком рубанул с ходу подвернувшегося комитетчика. У несчастного от косого поставленного удара шашкой развалилось тело от плеча до груди, и подрубленный мужик опустился на соломенных ногах и лег уже бездыханный.

Только и успел кто-то выдохнуть из казаков оторопело:

– Ой, беда! Развалил-таки Прохор дядьку.

Зырянов, белый, как снег, крутнулся на своем мерине и дал ходу. Едва уняли истерику казака вечером, напоив самогоном. А тот сидел у стола, словно одеревенев, как лавка, на которую сел грузно, и скулил в тоске. Прохор скулил, лавка скрипела под ним, вторя голосу беды.

Был человек – не стало человека.

При этом дела в армии с вооружением и боеспособным личным составом были крайне плачевными, но присутствовала решимость взять город и освободить Колчака.

Генерал Войцеховский выдвинул оборонявшим город ультиматум. С бумагой отправился к красным есаул в сопровождении казака. Документ был составлен наспех и включал требования освободить адмирала и арестованных с ним лиц, предоставления фуража и выплаты контрибуции. В случае исполнения были даны обещания Иркутск в этом случае обойти стороной. Большевики в ответ, конечно, ответили отказом, насмешками и пулюнули из пушки поверх голов, словно поставили жирную точку, отвергая согласие.

А в этот день, когда Сибирская армия уже толкалась на окраинах Иркутска, выбирая последний фураж в скудных закромах сельчан, в тюрьме состоялся последний допрос адмирала Колчака. Адмирала еще допрашивали, а уже было принято поспешное постановление Иркутского Военно-революционного комитета о его расстреле.

Отряд казаков, в котором был и Николаев, прикрывал тылы армии, и когда было принято решение обойти город и по льду Ангары уходить к Байкалу, наткнулся на заслон красных. Слабо вооруженные красные рабочие дружины окопались у деревни Зверево, и чтобы их обойти пришлось отрядить пару десятков казаков во фланг и под прицельным огнем опрокинуть резким наскоком красный отряд. В том бою удалось вырубить почти всех, и поручик вспоминал спину бегущего перед ним мужика, судя по всему, неумелого в бою работягу с винтовкой. Он бежал неуклюже, неловко, потерял шапку, то и дело оборачивался, сияя лысиной, и смотрел очумело, заворотив голову на скачущего за ним поручика дикими от страха глазами. Было скользко, и плохо кованный конь под поручиком скользил и его занесло на повороте, и он едва не опрокинулся, присел на задние ноги и заскользил по льду крупом. Николаев уже собрался выскочить из седла, боясь, что придавит его падающий конь, но тот чудом удержался, встал и, выровняв ход, пошел прытким галопом дальше. Наконец они настигли убегающего красnogвардейца и уже не мешкая Николаев рубанул его наискосок по спине шашкой, и мужик вскрикнул тонким голосом и сразу уткнулся лицом в снег и засучил от боли ногами.

Разгромив заслон, остатки эскадрона пошли через предместье в сторону Ангары, но снова сбились с пути и наткнулись на боевые порядки красных. Встреченные пулеметом казаки взялись уходить по льду реки под огнем красnogвардейцев в сторону бурятских Усть-Ордынских степей. Здесь было спокойнее и, перемещаясь по степи и перелескам мимо сел добрались до Баяндая и уже готовы были свернуть в сторону Бугульдейки, – прибрежной деревни, от которой шла ледовая дорога через Байкал в сторону Посольского, как наткнулись на отряд Нестора.

Усталые, измученные скачкой казаки были настигнуты врасплох, не успели развернуться в боевой строй и дать ответный отпор настырным анархистам. Всадники, разряженные в самые разнообразные одежды, раскосые, в мохнатых шапках, вооруженные пиками, под вой трубы, с гиканьем, трещетками, с дикими криками на самых разнообразных наречиях, кинулись в атаку, и в них чувствовалась животная свирепость, невероятная решимость и желание рвать врага на куски.

Белоказаки, усталые, измочаленные долгими переходами и едва державшиеся в седлах, пустились наутек, нахлестывая коней. Всадники Нестора на сытых конях догоняли и вырубали казаков поодиночке, как на учениях.

В том скоротечном, как взмах крыла ворона, бою, погибли почти все.

Спаслись только самые изворотливые, быстрые на молодых и хорошо подкованных конях. Сам Николаев, отстреливаясь, как-то оторвался, загнав коня до пены на морде, и ушел с группой самых цепких на север в сторону Качуга.

Последние сражения гражданской войны

Успех отряда поручика Николаева, его рейд вдоль трассы на Якутск и разгром большого военного обоза, произвели впечатление на многих не только в Сибири, но и в столице. После гибели красного командира и анархиста Каландаришвили в Якутии резко возросло противостояние, воспрянули духом белогвардейцы, примкнувшие к ним повстанцы из числа ущемленных в правах местных, недовольных жесткостью новой власти: в крае с новым азартом закипела вооруженная борьба за власть.

Власть большевиков в Якутии стала терять позиции и сохранялась только в столице республики и ближних улусах. Для ужесточения контроля над бурлящей окраиной было принято решение о присоединении северной территории, заселенной инородцами, к Иркутской губернии, а в Якутск для подавления сопротивления направлены значительные воинские силы. Триумф партии, гражданской власти и чрезвычайной комиссии в Якутске развернули крас-

ный террор. Стали обычными карательные рейды по улусам, уже неоднократно обобранные продразверсткой до нищеты.

Местным, часто скрывавшим свои национальные предпочтения большевистскими лозунгами, доверяли с оглядкой, и было это неспроста. В результате в Якутии, как грибы после дождя росли ряды готовых к мятежу, к борьбе за власть и часто в качестве лидеров сопротивления выступали офицеры Сибирской армии Колчака.

Корнет Василий Коробейников, амбициозный молодой человек встал во главе Якутской народной армии. Скоро в состав армии влился и отряд националиста Павла Ксенофонтова – главного идейного вдохновителя якутского «духа». После оформления идейных принципов движения и одобрения местных лидеров к отряду корнета стали подтягиваться и другие, порой совсем малочисленные отряды из отдаленных мест Якутии.

Корнет объявился в Якутии после разгрома Сибирской армии Колчака в составе отряда растерянных и загнанных в угол служак, – как на подбор циников и алкоголиков, для которых армия, – сутолока армейских штабов и бесконечное движение вооруженных людских масс было привычной средой обитания. Другого они не знали в своей взрослой жизни и испытав первый ужас, когда отряды безусых юнкеров, вставших в юношеском порыве за Царя и Отечество, безжалостно, кроваво разгонялись рабочими дружинами, из всех сил старались сбиваться в стаю. Именно тогда в тех первых уличных кровавых стыках молодые юнкера, корнеты и поручики потеряли ориентиры, и только туманные воспоминания о балах в училищах с приглашенными барышнями и рождественских светлых днях двигали их в стремлении повернуть время вспять, чтобы «все было как прежде». По сути какой-либо идеи, или тем более идеологии они предложить не могли, а просто жили поборами, в сутолоке борьбы и насилия, с надеждой вернуть ту среду, что их взрастила, и добывали день за днем свое право существовать.

В Якутии, на необъятных территориях, выживать можно было, затаившись на дальних заимках и приисках, что часто и случалось, после вылазок для пополнения запасов. Здесь, в крайних пределах Отечества, со слезами на глазах в сотый раз, вспоминали бои семнадцатого, восемнадцатого года, когда впервые пролилась кровь россиян в междоусобице. Казалось тогда, что как же так, – свои, такие покладистые всегда работяги-мастеровые, надежные матросики и солдаты вспарывали животы и проламывали черепа защитникам царской власти. Рыдали теперь в подпитии, утонув, в воспоминаниях, и казалось всем так ясно то, что следует делать: колоть и вешать, и принудить «скотинку» встать в стойло.

В марте, сразу после разгрома красного отряда, в Чурапче было создано Временное Якутское народное управление. Поручик Николаев также привел в Чурапчу свой отряд, усилившийся после удачной атаки на протоке с намерением включиться в борьбу с последней надеждой на успех в захвате власти здесь на восточной окраине.

Коробейников встречал прибывших на крылечке деревянного просторного дома, укрывшего от глаз в стороне от дорог на таежной заимке в пяти верстах от Чурапчи.

Командующий – высокий человек лет тридцати в бекеше из овчины с меховыми отворотами, в папахе и длинных оленьих унтах до колен, выглядел вытянувшимся не по возрасту подростком. Лицо корнета – узкое, худощавое, гладко выбритое с лихо подкрученными тонкими усами придавало ему вид несколько залихватский, что совершенно не вязалось с унылым выражением глаз. В облике командующего уже просматривались следы алкоголизма, обычного для молодых офицеров армии, которая пришла на смену изрядно полинявшей царской «косточке» старой закалки. Мешки под глазами, вызревающая одутловатость лица, – результат долгих скитаний по фронтам войны, тайге, неустроенности быта и той безнадёги, которая нарастала с каждым новым витком противостояния и лечилась в окончании очередного дня изрядной порцией водки или самогона. За несколько лет войны боевой задор, без значительных побед, лихих реляций, практически иссяк, а молодые люди, посвятившие себя службе

Отечеству, превращались неуклонно в унылых циников, которые только алкоголем еще и под-держивали боевой дух.

На поясе корнета висела шашка с рукоятью и ножнами, отделанные серебром, а руки в толстых меховых рукавицах заложены за спину. Корнет внимательно рассматривал проходящих мимо него пеших и конных бойцов отряда поручика Николаева и порой склонившись, делился своими впечатлениями со стоящим рядом усатым мужиком в огромной папахе, кротком овчинном полушубке и оленьих унтах.

Рядом с корнетом стояли и другие помощники, одетые разнообразно, в основном в овчинные полушубки, подпоясанные ремнями, в унтах и папах. Были здесь и представители местного народа – якуты и лица с европейской внешностью. Все, как на подбор, усатые с небритыми лицами, в основном низкорослые крепыши, непрерывно, дружно и обстоятельно дымили самосадом, словно занятые большим, важным делом.

Поручик Николаев в некотором размышлении о том, что корнет по чину ниже его офицерского звания, совсем не по-армейски вразвалочку подошел к крыльцу с встречающими его отряд командирам народной армии и коротко козырнув, отрапортовал:

– Поручик Николаев со своим отрядом числом сто семь бойцов прибыл для соединения с народной армией для борьбы с большевиками!

– Браво, господин поручик! Вы и ваше боевое подразделение добились большого успеха. Потрепали краснюков за бороду, пощипали супостата, – шутливо ответил, картавя Коробейников и в его глазах, – холодных, настороженных, появился огонь азарта и тут же, впрочем, пропал.

Корнет оглядел своих подчиненных, которые в ответ улыбнулись шутке командующего и стали приветствовать вновь прибывших, здороваться за руку с поручиком.

– Милостью Божией прошу вас и воинов земли русской присоединиться к нам, – далее несколько пафосно продолжил корнет и жестом пригласил Николаева пройти в дом.

В этот момент мимо крылечка с офицерами и командирами народной армии проезжали последние в обозе санки, в которых сидели, прижавшись друг к дружке три захваченные в обозе Нестора дамы. Это были две санитарки из обоза и Софико, мечтавшая обрести женское счастье с Нестором. Женщины сидели укутанные в дорожные шубы и только глаза были видны из-под платков в обрамлении инеем.

Корнет, уже было направившийся внутрь дома, обратил внимание на женщин, задержался, сразу взбодрился и повеселел:

– Это что за куклы у вас в отряде – милый такой народец, господин поручик?

– О, это наши трофеи! Дамы из обоза Нестора! Две медсестры и его любовница, – грузинка. Ладная кстати дама, как говорить «все при ней» и хороша собой.

– Как расчудесно! И что же думаете с ними делать?

– А что с ними сделаешь? Медицинские сестры и нам сгодятся по прямому, так сказать, назначению. А любовницу пристроим, дело ей найдем в том же санитарном обозе, – рассмеялся в ответ поручик.

– Али в спаленке, – пошутил, хохотнув, один из командиров, плюгавый заросший бородой мужик в огромной шапке из овчины, на манер кавказской лохматой папахи.

Корнет глянул с усмешкой на подчиненного, давая понять, что не его это забота, определять положение пленницы.

– А нельзя ли на них взглянуть поближе, господин поручик? Сестры милосердия и нам нужны, конечно, но ведь никто не отменял того, что это дамы, – усмехнулся Коробейников, и лицо его расплылось в довольной улыбке, в предвкушении любопытного общения.

Николаев подозвал бойца своего отряда и попросил привести женщин.

Перед Коробейниковым, Николаевым и членами штаба отряда предстали укутанные до глаз в платки молодые женщины из обоза. Санитарки и вовсе были совсем молоденькими и

выглядели затравленными, – испуганно оглядывали незнакомых взрослых, заросших щетиной или бородатых дядек, угрюмых, насупленных, одетых в теплые, но непривлекательные одежды, увешанные оружием и с манерами явно не светскими. Выглядели женщины до крайности усталыми, с бледными осунувшимися лицами, замерзшими до синюшных губ, с темными, до черноты кругами под глазами. Медсестры были одеты в шинели не по росту, в огромные старые валенки. Грузинка София выглядела еще более испуганной, с опухшим лицом, что случается после и долгих слез, и пребывания на морозе. Одетая грузинка была в тонкий дамский полушубок, подаренный Нестором, а на ногах были также огромные валенки, которые можно было одеть, не снимая более легкой обуви. Теперь София стояла, опустив голову, теребила в руках концы своей шали, а длинные черные волосы выбились у нее из-под платка и падали на плечи и спину в беспорядке. Отметив, как внимательно с улыбкой и доброжелательно рассматривают женщин незнакомые мужчины, Софья несколько воспрянула, подняла голову и стала смотреть более уверенно, очевидно стараясь выглядеть привлекательной.

– А что? Хороша! – с усмешкой оценил образ дамы корнет, и даже не взглянув на медицинских сестер, каждая из которых явно уступала в привлекательности грузинке, подошел к ней поближе.

– А скажи милая, будешь ли у меня служить? – задал вопрос Коробейников, разглядывая пристально женщину, вкладывая в вопрос несколько больше чувственности, чем требовала деловая беседа.

– Покормил бы сначала, отогрел, а потом уж вопросы задавал, ваше благородие, – вдруг дерзко высказалась София, уловив игривые интонации в голосе корнета. Ответила смело, вздернула голову и взглянула на корнета снизу-вверх с вызовом. На мгновение показалось, что женщина стала как бы выше росточком, по внешнему впечатлению практически сравнявшись с высоченным Коробейниковым.

Тот рассмеялся от такой, явно понравившейся ему решимости, и оглянувшись на своих подчиненных, заметил:

– А ведь дама права!

И кивнув мужику, что стоял в ожидании распоряжений:

– Давай, Семен, сходи – дай команду, – пусть накрывают на стол, будем принимать гостей.

Скоро собрались ограниченным кругом за столом в тесной горнице рубленного дома. На столе высилась бутылка самогона и простые деревенские угощения: холодец, рубленное грубо сало, капуста в тарелке, яркая брусника, вареная картошка, сваренная по случаю похлебка с мясом.

Женщин посадили тут же за стол среди мужчин, и было заметно, насколько растеряны медицинские сестры, совсем еще девчонки и как более уверенно держит себя среди незнакомых, грубых, увешанных оружием мужчин София. Очевидно, покинутый муж и убитый накануне, соблазнивший ее любовник остались для женщины в прошлом. А вот то, что теперь происходило здесь, среди заснеженного леса на далекой глухой заимке, было для нее жизненно важным. Изворотливость и способность быть востребованной, выжить в сложившейся ситуации важное свойство женской натуры. София этим качеством владела и скоро уже сидела рядом с Коробейниковым и оказывала ему малозаметные, но примечательные знаки внимания: то коснется кисти руки и проведет по ней аккуратно пальчиком, то прижмется округлым плечиком до предплечья корнета.

После первого тоста за победу над красными супостатами, насилующими народ, выпивать стали без церемоний и скоро корнет уже держал Софью крепкой рукой за талию.

Гуляли шумно и жадно, – напились быстро: загалдели, заспорили, комнатку задымили самосадам, кто-то устало приник к столу уставшей от выпитого головой.

Скоро два помощника и товарища корнета уже таскали друг друга за грудки, не поделив одну из санитарок по имени Серафима. Та ужасно стеснялась, от выпивки отказывалась

и теперь смотрела со страхом в неумении, как ее делят два пьяных бородатых мужчины. А те сцепились не на шутку, потолкавшись в избе, выскочили на мороз и уже скоро один из них полетел с крылечка в снег, сбитый с ног. Второй, пылкий претендент на женщину, спотыкаясь, взялся догонять соперника, а настигнув, уронил в снег и принялся мутузить сапожищем.

Дерущихся растащили со смехом. Каждому на голову насыпали снега и заставили мириться. Теперь, когда вернулись в избу к столу, оба мужика рядом сидели на лавке мокрые, с бордовыми от гнева лицами и один прикладывал лед ко лбу, на котором вылезла и посинела шишка, а второй, морщась, вытирал кровь тряпицей, обильно выступившую из разбитого носа и лопнувшей от удара губы.

А Серафима сидела в сторонке, ежилась и продолжала с испугом смотреть на мужчин, одному из которых она должна нынче принадлежать.

Вторая сестричка по имени Маша, которой нынче повезло больше, сидела пока невосребованная. Внешность ее и правда подкачала: худоба, совершенно казалось плоская грудь и конопатое лицо с короткой стрижкой, вздернутый носик и небольшие испуганные глаза пока никого из мужчин не очаровали. Она сидела, словно обомлела, и было не сразу понятно, радуется она своей невосребованности или несколько огорчена.

Корнет Коробейников скоро был пьян, охмелев и от самогона, и от внимания красивой грузинки. Наскоро, – в три полных граненых стопки удовлетворив потребность расстроенного алкоголизмом организма, окончательно «осмелев», корнет без церемоний потащил Софью за собой. Та, немного выпив и развумянившись, смело взялась играть роль увлеченной корнетом дамы и, обнявшись, под усмешки собравшихся, молодые, довольные друг другом ушли в соседнюю комнату и плотно закрыли дверь.

Николаев, отметив, что праздник пора сворачивать, на правах старшего воинского начальника приказал всем завершать застолье и попросил определить его на постой. На выходе из прокуренной горницы в сенцы, накинув полушубок и папаху, Николаев остановился и глянул на рыженькую Машу, что сидела и ждала терпеливо исхода застолья и нечаянно возникших смотрин. Николаев жестом подозвал девушку к себе и, наклонившись к ней, шепнул на ушко, чтобы она шла за ним. Маша вспыхнула лицом, запылало и ушко под горячим дыханием поручика, и даже не смея поднять глаз, подчинилась и, одев наспех шинельку, намотав на голову платок, подпоясала себя ремешком и вышла за Николаевым. Сопровождающий, – местный, из отряда привел Николаева и медсестру к небольшому дому, над которым вился дымок из трубы.

– Вот здесь, ваше благородие, располагайтесь – там есть отельная комната с кроватью, рядом печка – тепло будет.

Николаев уверенно, а медицинская сестра в полном смирении, ни жива, ни мертва, вошли в дом.

Наутро, когда на площадке перед домом, в котором разместился командующий и его штаб, собрались прибывшие с ночевки в соседнем селе посыльные и командиры отрядов. Собравшиеся делились новостями и ждали распоряжений. На крылечко вышел корнет Коробейников со своим помощником, а с ним рядом устроилась Софья, в ладном, пригнанном полушубке и лихо заломленной папаше. По улыбке на лице молодой грузинки было понятно, что в новых условиях, после страшного боя на протоке, который случился всего несколько дней назад, женщина вновь нашла и обрела себя.

Оглядев подчиненных и приобняв Софику, корнет Коробейников громогласно и вдохновенно объявил, что отряд из-за активизации красных должен затаиться, заняться боевой подготовкой и перейти на партизанские методы ведения борьбы. К весне, укрепившись и уже под покровом летнего леса, будем атаковать большевиков, их отряды и обозы, уполномоченных и перейдем к масштабному наступлению, целью которого захват Якутска. А главное, нужно не теряя времени объединиться всем силам, которые недовольны властью, вести агитацию среди

местных жителей, чтобы привлечь тунгусов, эвенков и якутское коренное население, которое большевиками притесняется и обирается.

После митинга, когда собрались в доме командиры, Николаев глядя с иронией на подбочившегося корнета, у которого на кителе появились неожиданно три георгиевских креста, отметил:

– Замах то на Якутск широк! А это действительно реальный план? За последнее время красные подтянули большие силы. Осилит ли?

– А ты не бойся, поручик. Главное боевой дух войска сохранить. А высокие цели очень помогают в этом деле. Скопим силы, Бог даст, и на Якутск пойдем. Не доволен местный люд большевиками, а это значительный резерв наших сил и устремлений. Главное теперь – собрать недовольных. Соберем всех – тунгусов, эвенков, якутов, объясним, что к чему и пойдем бить красных. А там, как выйдет. Надеюсь, что с нами Бог и победа будет также с нами.

Отметив, что его слова дошли до слушателей, корнет приобнял стоявшую рядом Софью и они, довольные друг другом, уединились в соседнюю комнату.

– А что это у корнета три Георгия имеется? Так он герой?! И когда он их успел получить? – поинтересовался Николаев у сидевшего рядом начальника штаба якута Петра Андреева.

– Сказывал, что в мировую два отхватил, а третий крест сам адмирал Колчак ему за рейд по тылам красных вручил еще в Омске.

Николаев попытался вспомнить о, каком-то рейде шла речь, и мог ли он не знать о корнете после столь славных побед и наград. Выходило, что он, служивший в Омске при штабе командиром специального отряда охраны из белоказаков, знать был должен удачливого и лихого корнета. А вот относительно награды за мировую войну выходило вовсе нескладно: в мировую войну корнет еще и училища юнкеров не мог закончить.

– Да, привирает корнет, добавляет себе авторитета, – подвел итог немудреного анализа Николаев.

Зимой активных боевых столкновений не случилось, а только лишь вылазки по захвату обозов с продовольствием и оружием. Велась также активная агитация среди якутского населения, эвенков и тунгусов. С этой целью наведывались в поселения инородцев, в села и, разогнав местную власть, уронив на землю флаги и алые полотнища, устраивали митинг и зазывали народ в отряд.

К лету «армия» корнета насчитывал уже не менее тысячи бойцов, часть из которых хорошилась до срока по своим селениям и стойбищам, готовые выступить по команде.

И все пошло активнее с наступлением тепла и сразу после объединения повстанцы, было, осадили Якутск, но успеха не добились. Прибывшие по зимнику в начале года отряды Яна Стродса и Карла Байкалова сдержали натиск, а уже летом в результате боя у села Никольского жестоко разбили отряды народной армии. Коробейников с остатками своего рассеянного соединения отошел, отбиваясь от наседавших на него красных отрядов в сторону Охотска.

Могло показаться, что активная фаза борьбы закончилась, силы повстанцев иссякли, пал дух сопротивления и следовало затаиться или уйти за границу. Однако к осени возник новый импульс для борьбы за власть в Якутии.

Во Владивостоке к лету 1922 года оживились силы, еще способные активно действовать против большевизма. События развивались так, что в первых числах августа усилиями оппозиции во Владивостоке, где еще не установилась Советская власть, был созван Приморский Земский собор, а военным диктатором был избран сорокавосемилетний монархист генерал Михаил Дехтерикс. Земской собор учредил государственное образование – Приамурский земской край на основах монархии, восстановления династии рода Романовых и деятельности православной церкви.

Инициативу группы генералов и офицеров по осуществлению военной поддержки военному и партизанскому движению в Якутии генерал Дихтерикс поддержал и активно взялся агитировать вступать в ряды Сибирской добровольческой дружины, которую возглавил молодой тридцатилетний генерал Анатолий Пепеляев. Перед Сибирской дружиной, сколоченной наспех из офицеров, была поставлена задача овладеть Якутском и установить новую власть в северной республике.

К руководству частями дружины подключились, следуя за авторитетом Пепеляева, опытные генералы Ракитин и Вишневский, и другие бывшие командиры частей Сибирской армии Колчака.

План был сверстан на эмоциях, спешно и как всякий скороспелый проект был значительным по форме, экспрессии, но крайне скудным на конкретику: захватить Якутск, создать свободную от большевиков республику и, взаимодействуя с Приамурским земским краем, отразить агрессию Советов. Какими силами, за счет каких средств и под какими лозунгами способными объединить крайне малочисленные, но столь разнообразные по устремлениям силы, вышеозначенный план не раскрывал.

Сибирская дружина на теплоходе в начале сентября отправилась морем на побережье, чтобы, высадившись, пешим маршем дойти до Якутска и атаковать столицу края.

Часть войск приморского десанта под командованием генерала Ракитина высадилась в Охотске и двинулась вглубь таежной территории в направлении Якутска. Планировалось вести боевые действия против власти на местах и собирать в свои ряды новых повстанцев по ходу наступления.

Анатолий Пепеляев с частью войска занял побережье в Аяне и, двигаясь вглубь республики, планировал подойти с юго-востока к Якутску, тогда, как генерал Ракитин должен был атаковать с северо-востока. Так, забирая город с двух сторон, мятежные силы стремились закончить бои окружением и захватом столицы края.

Отряд корнета Коробейникова, потрепанный красными частями под командованием Яна Строда в летних боях, вышел навстречу дружине генерала Пепеляева и соединился с прибывшим воинством для борьбы во имя почившей Империи Романовых.

Пепеляев, молодой человек с открытым лицом и несколько насмешливым взглядом голубых внимательных глаз, с небольшими усами над губами, готовых разойтись в доброжелательной улыбке. Одет генерал был в полевую изрядно ношенную форму из добротного сукна с Георгием на груди. При встрече с отрядом Коробейникова, Пепеляев одобрительно оценил боевую выправку повстанцев. Отсалютовав взмахом руки к козырьку, генерал шагнул навстречу и приветствовал корнета пожатием руки и последовавшими крепкими объятиями.

– Рад встретить в такой-то глухомани соратника по борьбе, сослуживца и героя, – высказался после объятий Пепеляев, оценив кивком головы рядок Георгиев на груди корнета.

– И мне волнительно приветствовать в этих, уже обжитых нами краях, героя войны с большевиками, – в тон генералу ответил Коробейников.

Тут же в якутском летнем доме, собрали совещание. После обмена мнениями и сверки позиций с учетом реальной обстановки было решено вести наступление в направлении Якутска и одновременно собирать все разрозненные силы в единый боевой кулак.

Подруга корнета Коробейникова София была рядом в качестве помощницы. Молодая женщина овладела верховой ездой и активно участвовала в жизни отряда, порой мотаясь в качестве посыльного и неотлучного ординарца. Роль Софии была разнообразна: она выполняла поручения и просьбы корнета по организации жизни лагеря и участвовала и в боевой работе. Теперь Софию в обтягивающих стройные ноги галифе в коротких дамских сапогах, сшитых на заказ, и бекеше из овчины и круглой кубанке можно было видеть в разных местах полевого лагеря или при штабе. Совещания руководства отряда и штаба не проходили без нее и ее советов: в ладной грузинке проснулись способности организатора и задатки будущего лидера.

После совещания София уединилась с Коробейниковым, и возник разговор о новом командующем Пепеляеве. Генерал, известный своими громкими победами во время гражданской войны произвел впечатление на Софию и, посмеиваясь над корнетом, она спросила:

– Вот скажи, Вася, как так получается, что Пепеляев тебе ровесник, но давно генерал, а ты всего-то корнет? Служили то оба в армии Колчака?

– Не за чины воюем милая моя. Теперь звания не имеют значения. Вот Пепеляев генерал, а со мной сидит за одним столом, и мы вместе планируем действия нашей армии. А вот если все сложится, и наши действия дадут результат, и я стану генералом. Неужто я не заслужил? – занервничал корнет, и было видно, что вопрос задел его самолюбие.

– Заслужил, Васенька, – рассмеявшись, ответила Софья и обняла корнета.

В ноябре 1922 года с участием прибывшего в Аян подкрепления из Владивостока под командованием генерала Вишневого были захвачены Анга и Чурапчи – поселки в дневном переходе до столицы якутского края.

Под Чурапчей отряды Пепеляева сошлись в боях с подошедшими из Якутска отрядами красных. Заранее заняв оборону на выгодных высотах, бойцы Пепеляева умело встретили красных и после короткой перестрелки и удара с фланга, который нанес отряд кавалерии из местных якутов на своих низкорослых неутомимых конях, перешли в атаку и смяли порядки не успевших окопаться красноармейцев.

Красные побежали по заснеженному полю, через лед реки Кухоара, путаясь среди кочек замерзшего болота, в отчаянии озираясь на озверевших якутов. Самые стойкие успевали отстреливаться на бегу. Для стрельбы устраиваясь за поваленными стволами деревьев. Тут и оставались убитые, а живые, снова бежали и били из винтовок, обернувшись навскидку. Не на шутку разошлись якуты, почуяв кровь и смятение врага. Вооруженные самодельными саблями, за неимением боевых шашек, и пиками якутские воины с гиканьем неслись по редколесью и вдоль реки на своих крепких низкорослых конях, настигали убегающих и сбивали с ног лошадьми, рубили саблями, пронзали несчастных пиками.

Победа была яркой, стремительной, достигнута в порыве неизрасходованной пока ярости и энтузиазма.

К вечеру войска Пепеляева вошли в Чурапчу и заняли в центре поселка дома, где размещался сельский совет. На два месяца до февраля в Чурапче действовала власть повстанцев, но положение было крайне зыбким, – ждали, что вот-вот подойдут снова новые силы красных уже с артиллерией. Зрела сила большевиков в Якутске и все понимали, основные бои еще впереди.

Но политика – дело переменчивое. Так случилось, что поздней осенью власть Земского собора во главе с генералом Дихтериксом, – зыбкая, непрочная, как погода в Приморье, пала. Боевые отряды, прибывшие из Владивостока после падения власти в Приморье, потеряли боевой настрой. Уныние перекинулось и на местных лидеров, и теперь окончательно разуверившись в успехе, якутские отряды стали покидать боевые порядки.

Столкновения и скоротечные бои Сибирской дружины и отрядов Красной армии продолжались до весны, а на местах и летом 1923 года, но закончились поражением войск дружины.

Анатолий Пепеляев со своим боевым подразделением Сибирской дружины попытался разбить отряд Яниса Стродса, окружив его в зимовье Сасыл-Сысы. Двухнедельная осада на лютom морозе закончилась с началом марта. Отряд генерала Пепеляева был вынужден отступить под нажимом прибывшего из Якутска многочисленного красного отряда, и ушел в сторону побережья Охотского моря, где пытался найти выход из проигранного ими похода на Якутск.

Но в июне прибывшие из Владивостока подразделения Красной Армии под командованием Степана Вострецова разгромили части отряда генерала Пепеляева в Охотске и Нелькане, а сам генерал и последние его соратники были окружены в селении Аян и сдались по приказу Пепеляева без боя.

Генералы Ракитин и Вишневский бежали в Охотск. Вишневскому удалось спастись, напросившись на шхуну японских рыбаков, а Ракитин погиб летом 1923 года в боях на побережье, угодив со своим отрядом в засаду. Дело разгрома офицерской дружины и приставших к ним повстанцев довершил отряд Красной Армии, прибывший из Владивостока на корабле к исходу лета.

После поражения в Чурапче при отступлении к побережью Охотского моря повстанцы двигались таежными тропами. Отряд корнета Коробейникова таял на глазах: многие просто уходили, не желая покидать родные места, другие искали возможности скрыться за кордон в направлении Китая и Монголии, кто-то желал уйти на запад, растворившись среди городских или сельских жителей большой Сибири.

В один из дней, после неудачной сшибки с разездом красных на переправе группа корнета был настигнута отрядом красногвардейцев и прижата пулеметом к земле. Пришлось уходить ползком по болотной грязи, теряя последние припасы и оружие. Многие остались в этом болоте навсегда. Корнет был серьезно ранен и только с помощью своего ординарца Ивана Шкетова и Софьи мог передвигаться. На берегу моря по гальке было идти тяжело и оставшиеся в живых направились в Охотск, где была надежда передохнуть, подлечиться и найти какое-то плавательное средство, – баркас, шхуну, и отправиться по морю подальше от побережья, где им уже не было места. На пути в поселок у устья речки наткнулись на группу отступающих числом несколько человек, которые рассказали, что Охотск уже захвачен красным отрядом.

Оставалось угодить берегом и искать варианты скрыться в лесу, но Коробейникову требовались операция и серьезное лечение. Остатки отряда, еще вчерашние соратники, ушли, тяжело ступая и не оглядываясь, оставив своего командира, Софью и ординарца корнета на берегу.

Оставалось ждать только чудесного спасения.

На горизонте вдруг появилось судно, поначалу, как видение, но скоро обрело четкую форму и даже были видны суетившиеся на палубе люди.

Когда судно подошло ближе к берегу, стало понятно, что это японская рыболовная шхуна. Промышляющих в акватории Охотского моря японских рыболовецких суденок было довольно. Японцы уверенно хозяйничали в чужих водах уже долгие годы без присмотра со стороны России.

Шхуна шла вдоль берега, и были видны уже люди на ее палубе. Софья, чтобы привлечь внимание рыбаков, взялась сигнализировать черным своим платком, а когда увидела, что со шхуны спустили шлюпку и та пошла к берегу, стала размахивать руками, надеясь, что теперь японцы подойдут к берегу и заберут их. Такие примеры чудесного спасения уже были, и были они не редки, поскольку японцы рассчитывали заработать и при всяком подвернувшемся случае часто подходили к берегу и забирали тех, кто мог заплатить за свою эвакуацию.

Иван Шкетов, рядовой казак, преданный командиру, извлек из вещевого мешка небольшой увесистый самородок, взвесил в широченной своей ладони и подмигнул ободряюще Софье.

Шлюпка уверенно шла к берегу, и надежда на спасение стала абсолютно реальной.

В это время со стороны Охотска стал выдвигаться вдоль берега отряд верховых числом около десятка. Скоро стало ясно, что это красные решили провести рейд, чтобы зачистить побережье.

Иван заметил вовремя красный разезд. В отряде также отметили, что к берегу идет шхуна и пустили коней в намет и уже скоро, после шумного перехода в брызгах прозрачной воды через впадающую в море реку, должны были оказаться рядом. Шкетов, понимая, что следует спешить, предложил идти в воду навстречу лодке, чтобы хоть немного выиграть время. Софья и Шкетов подняли корнета с земли повели в воду. Они зашли в море по самую грудь,

когда у них за спиной загремела под копытами коней галька и голос, зычный решительный приказал выходить и сдаваться.

Шкетов и Софья затравленно оглядывались: они видели, как на берегу толкаются на беспокойных после скачки конях несколько всадников. Красные конармейцы размахивали карабинами и решительно требовали выходить из воды, угрожая пристрелить всех в случае неподчинения.

Лодка с японцами была уже совсем рядом, и можно было видеть лица японских моряков. Они были напряжены и несколько испуганы, но продолжали грести, рассчитывая забрать беглецов. В то же время японцы с тревогой поглядывали на берег на толкущихся у кромки воды вооруженных всадников.

С берега прозвучали выстрелы. Били поначалу поверх целей, давая понять, что готовы применить оружие и более точно, – на убой.

До лодки оставалось уже не более десяти метров, до берега метров сорок и казалось, что можно успеть и спастись. Но при звуке выстрелов японцы не решились подплывать к несчастным, стоящим по грудь в воде, и стали спешно разворачивать шлюпку, а затем отчаянно погребли назад в направлении шхуны. Гребцы отчаянно налегали на весла, сидели, пригнувшись и было заметно, как они напряжены.

Софья, корнет Коробейников и Шкетов стояли в воде и смотрели в полном отчаянии в сторону удаляющейся шлюпки. Они видели лица рыбаков, а один из гребцов только развел руками, показывая всю тщетность попытки спасти попавших в сложнейшую ситуацию и словно извиняясь за эту неудачу.

Софье не хотелось смотреть в сторону берега, где у самой воды толклись несколько вооруженных всадников и в азарте ждали окончания развернувшейся у них на глазах трагедии.

– Я не выйду на берег, – с меня достаточно, – выдавила из себя Софья, готовая разреваться, и, поддерживая обмякшее тело корнета, шагнула в сторону моря.

Корнет подчинился ей молча и только глянул через плечо в сторону берега, обвел отрешенным взглядом заросшие густым лесом дальневосточные сопки, высокое небо, зажмурился под лучами полуденного солнца, улыбнулся и шагнул в море вслед за подругой.

Иван Шкетов, глянув на молодых своих товарищей с тоской в глазах, сразу, как-то осунувшись ликом, снял с плеча и выпустил в воду карабин, поднял руки и направился, подгоняемый волной, к берегу.

Поручик Николаев

После боя из засады с отрядом Нестора поручик Николаев, поначалу необычайно воодушевившись победой, оказался скоро в состоянии полного отчаяния. Николаев готовился в атаке долго и тщательно, как самой главной в своей жизни. Атака удалась, – поручик показал себя настоящим боевым стратегом, но удовлетворения не было. Огромные просторы края растворяли все усилия, и этот скованный холодом континент был недвижим, и не было сил его всколыхнуть и подтолкнуть к активной борьбе, значительным переменам.

Самостоятельно вести боевые действия он не мог. Сил было ничтожно мало, и таяли эти силы как масло на сковороде над огнем. Местные ерепенились и, если, что было не так, не по ним, – поднимались и уходили. Командовать подчиненными жестко, давать приказы, как солдатам в боевой обстановке, не получалось. Любое воинское насилие устава на теперешних не действовало. Свои, – те, кто, отступая из Прибайкалья, попали в эту якутскую западню, также не горели отдавать жизнь за спасибо. Большинство удерживал образ существования, ибо другого они не могли придумать, истончив потребности и мысля просто: сегодня живой, добыл кусок к ужину какой-либо ценой, – и ладно. Они все вместе, со своими желаниями и амбициями были никому уже не нужны, не справившись на фронтах гражданской войны с больше-

виками. Теперь же только насилие, ломка примет новой власти, еще как-то встраивало обветшавшее белое движение в матрицу жизни, объясняло их незавидное существование. Лозунги, звучащие еще совсем недавно громко, мало кого теперь увлекали. За годы борьбы все призывы были использованы и показали свою несостоятельность, а в итоге обветшали и удушливо пахли нафталином. Только жесткая сила и неистовая вера врагов коммунизма были способны держать народ окраин бывшей империи в узде и вести, хоть и под конвоем, к цели. К цели, которая становилась все более расплывчатой, спорной, плохо осязаемой.

Все сомнения выплеснул Николаев при встрече с Коробейниковым, приняв с мороза пару стопок крепкого, как спирт самогона.

– Все подмяли, корнет, большевики Россию под себя. Наши трепыхания – дерготня лягушки на столе исследователя живой жизни. Большевики нас препарируют, как студенты-медики, отделяя сердце от желудочка. А Россия-матушка только лежит распятая и попискивает, то ли от боли, то ли от удовольствия. Как же: сбылась давняя мечта Емелек и Степок по задрючиванию Отечества! Сбылась мечта угнетенных, угнетать угнетателей, чтобы самим угнетать. Как ни ставь слова и определения – подташнивает. Вышло так, что сами угнетенные и клюнувшие на большевистские лозунги попали под пресс, от которого кишки лезут теперь через рот у всех вовлеченных.

– Что же делать-то, поручик? – устало выдохнул Коробейников.

– Два варианта: сдохнуть или уползти в уголок дальний и сидеть тихо-тихо, чтобы не заметили. За кордон отбывать противно. Побитым псам не место на чужой ярмарке жизни.

После пьяных посиделок по прибытии стала ясной в основном бесперспективность всей этой возни по опрокидыванию Советов, которые, как глисты вползли в мясо и мышцы, отравили мозг народа своими простецкими правилами – подчинить – отнять и поделить, а если не согласен – прибить или мучить так, чтобы другие ежились от ужаса.

Медсестричка Мария, что сидела в уголке бледная, совсем не притронувшаяся к еде, испуганная непорочная девчушка пошла безропотно за Николаевым, когда он позвал за собой. В предоставленном доме, пьяный поручик, без предисловий увлек девушку, едва она скинула свою дурно пахнущую шинельку.

На ощупь была она совсем девчушка. Острые ее углы не скрывал бабий жирок и ноги, словно жердочки, были так тонки, что Николаев подивился и даже испугался. Такая, впрямь тощенькая и дохлая, как бы ее не сломать, не искалечить. Но женщины народ крепкий, так устроены, что хрупкость и утонченность только залог и прелюдия первообладания. Когда, распалившись, поручик добрался до заветных мест и, торопясь, впопыхах от нетерпения, овладел бастием девственности, сразу стало ясно, кто здесь силен, а кто только способен войти и тут же ослабеть и выдохнуться с возгласом удовлетворения и досады.

Маша вскрикнула чуток. Этот крик был не от боли, а от удивления. Она тут же обняла Николаева и из слабенькой девочки превратилась в женщину, трепетную и желающую любви по полной. Николаеву это не помогло. Он тут же уснул, выплеснув злую энергию последних месяцев, проведенных в снегах, неудобных местах ночевки, в сутолоке и холоде среди нижних чинов, мужичья, недосыпе, недоедании.

Утром, едва продрал глаза, Николаев огляделся. Печь прогорела, и в доме стало прохладно. Окна, задраенные куржаком льда, тускло пропускали свет зарождающегося дня. Рядом под шинелькой ютилась Маша, вчерашняя удивившая поручика девушка. Была она по-прежнему мала, тоща, плечики торчали углами. Личико ее, с коноплей, – со спутанными волосиками-жнивьем российских полей, стриженных коротко, было совсем детское. Но была она, тем не менее, сейчас уже иной. Она была теплой и родной, ее хотелось обнять, защитить и Николаев подивился тому, как легко сложилось у них и хочется быть рядом с ней, касаться ее, любоваться и любить. Было желание с ней что-то обсуждать и делать простые житейские

дела. Стало неловко, что ночь, когда как сыч он дрых, уткнувшись лицом в подушку, а не в плечо или грудь Марии.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.